

АНДРЕЙ КРУЗ

Я ЕДУ ДОМОЙ!

Мир «Эпохи мёртвых»

Андрей Круз

Я еду домой!

«Автор»

2009

Круз А.

Я еду домой! / А. Круз — «Автор», 2009 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Они семья. Он уехал в командировку, она осталась дома с детьми. Но мир развалился на части и разделил их. Он оказался на одном его краю, его семья – на другом. Их разделили владения Смерти – бескрайние земли и пустынные океаны. Но способен ли конец света действительно разлучить тех, кто любит? Он решил, что нет, и намерен это доказать.

Содержание

21 марта, среда, утро	5
21 марта, среда, все еще утро. Округ Юма, штат Аризона, США	9
21 марта, среда, вечер. Москва	14
21 марта, среда, день. Округ Юма, штат Аризона, США	18
21 марта, среда, вечер. Округ Юма, штат Аризона, США	23
22 марта, четверг, утро. Москва	28
22 марта, четверг, ночь. Округ Юма, Аризона, США	30
22 марта, четверг, утро. Округ Юма, Аризона, США	33
22 марта, четверг, день. Округ Юма, Аризона, США	39
22 марта, четверг, день. Округ Юма, Аризона, США	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Круз Я еду домой!

21 марта, среда, утро

Округ Юма, штат Аризона. Юго-западный угол этого без затей прочерченного прямыми линиями по пустыне штата, протянувшегося от Невады до Нью-Мексико, придавленного сверху мормонской Ютой и поджимаемого снизу мексиканской границей. Жара, песок, сухой колючий кустарник, искусственно высаженные апельсиновые рощи, каменистые холмы, песок, чахлая растительность. Авиабаза морской пехоты. Полигон национальной гвардии. Граница. Нелегалы. С Москвой девять часов разницы во времени и примерно тридцать градусов в температуре. Жарко здесь, очень жарко. И скучно.

Медвежи углы бывают у нас, в России, а здесь медведи хоть и водятся, но мелкие и мало. Назвал бы угол в честь койота, каких тут множество, да неуклюже получается. Глухомань, короче. Я уже здесь год, и сколько придется торчать – один бог ведает. Надеюсь, не больше нескольких месяцев. А что поделаешь – работа. Принесла меня нелегкая сюда, в Америку, кому-то, может, и на зависть, а завидовать-то вовсе и нечему. Америка бывает разная – бывает та, что Лос-Анджелес с Нью-Йорком, даже в Аризоне случается современный Феникс со своими богатыми пригородами, но бывает и Юма.

Когда-то Юма считалась воротами Калифорнии. Именно через нее текли тысячи переселенцев, едущих в «апельсиновый штат» искать лучшей доли. Они прибывали по реке Колорадо, тогда еще не разделенной многочисленными плотинами на озера и чахлые ручьи, пароходами, поездами по легендарной Юнион Пасифик, здесь на тот момент заканчивавшейся, – в общем, оживленное было место. Было. Теперь это маленький город посреди ничего. Около восьмидесяти тысяч жителей. Все здесь жалуется на скуку, плохих водителей – что есть, то есть: привыкли ездить по пустыне куда черти понесут, – активность мексиканских банд и высокую для таких краев преступность. И это тоже правда. Граница под боком, а здесь она еще в таком «кармане», что путей перехода множество, охраняется она плохо, волокут через нее кокаин мешками, нелегалы идут толпами, по пути привороывают все, что плохо лежит. Полиция за ними гоняется, но без большого успеха. Полиция тоже больше чем наполовину из мексиканцев, но, в общем, в потакании землякам не замечена. Конкуренция: чем больше придет с той стороны, тем меньше всего останется этим, на этой стороне.

Самый южный город округа Юма – Сан-Луис, американская часть поделенного пополам мексиканского городка Сан-Луис де Рио Колорадо. Как и его мексиканская половина, этот пыльный и небогатый городишко, построенный между несколькими промзонами, населен в большинстве своем смуглыми людьми, полагающими родным языком испанский. Оттуда же расходится по всей Америке немалая часть белого порошка – мексиканский картель Хуарез настолько прочно здесь засел, что в мексиканском Сан-Луисе есть даже улица Хуарез, как раз в честь него и названная. Она, что характерно, зажата между улицей Либертад, что означает Свобода, и улицей Революсьон, название которой переводить даже не надо.

Сам же Сьюдад Хуарез тоже расположился неподалеку, как раз напротив техасского Эль-Пасо, а в Сан-Луисе у него лишь филиал. Еще в Сан-Луисе успешно функционируют сразу четыре весьма агрессивные молодежные банды, которые преимущественно занимаются наркотиками, но не брезгают периодически грабить и воровать в самой Юме, воевать между собой и вообще причинять как можно больше проблем окрестностям. По наглости они значительно превосходят полицию, по вооруженности ей не уступают, а для тех, кто вообще переходит гра-

ницы разумного, есть еще и государственная граница: перебрался через нее – и ты в безопасности. А до рубежа из Сан-Луиса рукой подать – в самом прямом смысле этого слова.

Еще банды активно режутся между собой, потому что, по слухам, пару из них втихую поддерживает картель Гольфо, а еще две верно служат картелю Хуарез. Так что противоречия между ними лежат глубокие, непримиримые, а если точнее, то спорят они о направлении движения кокаиновых потоков.

Вообще граница – главная головная боль местных властей. Сити-холл Юмы даже предоставляет льготное жилье всем, кто нанимается в «Бордер Патрол»: надеются таким образом остановить бесконтрольное хождение в обе стороны. Кстати, я так и не могу понять, что мешает им вместо стены, которую перелезть можно без проблем, и вальяжного патрулирования на машинах вдоль нее не взять на вооружение опыт товарища Карацюпы с четвероногим другом Ингусом, то есть провести контрольно-следовые полосы, организовать заставы и секреты... – у нас-то граница была на замке.

Население самой Юмы наполовину мексиканское, наполовину белое. Негров почти нет. Зато есть индейская резервация племени Кокопа, в которой вальяжно живет около тысячи человек, пользуясь доходами аж с трех казино – главного бизнеса индейских резерваций.

Все дешево, потому что сюда никто не едет. Женщины все больше некрасивые, нечесанные, без косметики, неухоженные. Волосы в жменю взяла, заколкой заколола, напялила растянутую майку с застиранными шортами, кроссовки на веснушчатые ноги и пошла. Здесь это зовется «естественной красотой», подозреваю, по принципу: «Что естественно – то не безобразно».

Да и толстоваты они в своей массе – не в моем вкусе, прямо скажем. Мы, русские, избалованы женской красотой и зачастую, попадая в иные края, испытываем от ее отсутствия культурный шок. Жене-красавице, ухоженной и элегантной, местные англосаксонки в подметки не годятся, так что моя супружеская верность здесь крепнет день ото дня. Раньше жена опасалась меня здесь бросать одного, но после последнего визита явно успокоилась, поняв, что конкуренток здесь нет и быть не может.

Мексиканки тоже уже все больше многосемейные и многодетные, да и с индейской кровью, коренастые, невысокие. Короче, настолько отсутствуют соблазны, что я лучше буду честно смотреть в глаза семье, когда ее наконец увижу.

Семья в Москве. Старший мальчишка в школе, младший – в детском саду. Менять, пусть даже на год, хорошую московскую школу на захоластную аризонскую не стали. И правильно сделали. Я вот тоже жду не дождусь, когда можно будет счесть дело работающим и ехать домой, появляясь здесь потом с нечастыми визитами.

Как сюда занесло? Почти случайно: придумали некую полимерную сетку, удерживающую влагу в сухой почве, а заодно укрепляющую бока дренажных канав. Не я придумал, другие, я только в производство взялся запустить. В Москве влагу точно удерживать никому не надо – там ее девать некуда, а здесь это – дело насущное. Разумеется, оно не только в Аризоне насущное, но и много где еще, да случайно отсюда первый большой заказ пришел, вот я и прилетел. Производство, благо оно совсем небольшое, разместили в Мексике, неподалеку совсем, а американцы сетку покупают, так что здесь у нас торговая база. Потом и из Невады люди стали приобретать, а теперь и из Нью-Мексико заказчики подкатили. И вышло, что именно здесь работа пошла, а раз пошла, то я и застрял.

У меня работают три человека. Главный человек после меня – Джек Симмонс. Белобрысый, незагорающий, поэтому с вечно красной физиономией, пробивающейся из-под жидких волос лысиной. Он – менеджер, он главный, он продает, и вообще человек настолько незаменимый, что недавно я сделал его партнером. У него есть недостаток: Джек настолько зануден, что даже я стараюсь его избегать по возможности. Еще его избегает бывшая жена, которая лишь тянет с него алименты, общаясь через адвоката.

Еще у меня работает помощницей упитанная веселая девушка Тереза Гонсалес, с сильной примесью индейской крови, делающей ее похожей на старые ацтекские статуи, которая сидит на телефоне, хихикает и общается с клиентами. Мексиканский акцент у нее отсутствует почти полностью, зато она сама разбирает любые акценты.

А еще есть Пабло. Паблито. Маленького роста тощий мексиканец с густыми усами, отец шестерых детей, муж скандальной жены, вечно сидящий без денег, но на жизнь не жалующийся, шутник и оптимист. Он у нас монтер, водитель фургона, экспедитор. Я стараюсь платить ему побольше, заставляя Джека закрывать ему сверхурочные, когда таковых и в помине нет. Джек злится, но делает. Паблито, судя по всему, это заметил, потому что стал по отношению ко мне подчеркнута дружелюбен и по-доброму услужлив. Еще ему нравится, что я говорю не только по-английски, но и на испанском. А больше у нас и нет никого. Есть еще небольшой склад и офис в трейлере, где всем заправляет Джек.

Сбился. Так что делать в Юме, штат Аризона? Искать себе развлечения. Какие? Первая мысль приходит сразу – здесь все же Дикий Запад, все с револьверами и винчестерами, можно стрелять. Есть тир при оружейном магазине «Спрэгс Спортс», и у этого же самого Уилла Спрэга есть стрельбище, где палят из всего, что существует в природе: от револьверов одиночного действия в ковбойском стиле до пулеметов – в Аризоне, если расстараться, можно стать владельцем любого оружия, даже «третьего класса» – на этот счет здесь просто.

У Спрэга оружие дают в аренду, чем я и пользуюсь: в этом ничего незаконного нет. А еще дают уроки, от которых я тоже не отказываюсь. Пару раз даже приезжал Тодд Баррет – чемпион Америки по практической стрельбе из пистолета, самой «житейски полезной» стрелковой дисциплине. И к нему на уроки я походил. Да и другие инструкторы неплохи, грех жаловаться. По крайней мере, от них я услышал много откровений, которые смыли и стерли мой старый, весьма ограниченный опыт стрельбы из служебного «Макарова». Посмотри на меня тогда, при сдаче нормативов, и сейчас – теперь я просто Дикий Билл Хикок.¹ И двигаюсь, и палю на ходу, и попадаю, и вообще развлекаюсь, как могу. Всегда стрельбу любил и в Москве по мере возможностей ею занимался, только вот с пистолетной стрельбой там большие проблемы. А жаль.

Походил даже на занятия по городской тактике, где ты изображаешь из себя спецназовца, топяя пригнувшись с дробовиком или пистолетом-пулеметом по лабиринтам, расстреливая мишени. Интересно, прямо детская игра в войнушку.

На патроны уходит куча денег, эдак по двадцать долларов за пятьдесят штук, если к пистолету, но поскольку других трат у меня немного, то могу себе такую блажь позволить.

Чуть позже я обнаружил еще одно развлечение, которым увлекся, – я начал брать уроки пилотирования в аэроклубе, расположившемся в маленьком аэропорту Уэлтона, что километрах в пяти к западу от моего дома. Не то чтобы я собирался покупать самолет, но удовольствие от учебных полетов было уже достаточным вознаграждением. Инструктор по имени Дейв брал с меня тридцать пять долларов в час, за что взамен взялся провести обязательный сорокачасовой курс, достаточный для получения лицензии пилота-любителя.

Учеником я оказался способным, особенно учитывая, что в свое время окончил Московский авиационный институт и занимался в студенческом аэроклубе, то есть теоретическую часть летного дела знал не хуже самого инструктора, так что к окончанию курса я вполне лихо и аккуратно пилотировал клубный «Пайпер Команч». Да и получив лицензию, частенько приезжал на аэродром, чтобы полетать – очень уж увлек процесс, хоть сами полеты обходились в копейчку.

¹ Дикий Билл Хикок – легендарная личность времен Гражданской войны в США: по одной версии, вспыльчивый меткий стрелок, чуть ли не бандит, по другой – справедливый шериф, боровшийся с бандитизмом. Возможно, и то и другое. – *Здесь и далее примеч. авт.*

В общем, искал я себе занятия в этой самой Юме, потому что в противном случае оставалось только сидеть за компьютером или пиво глушить. А в больших количествах и то и другое вредно.

21 марта, среда, все еще утро. Округ Юма, штат Аризона, США

День начался как обычно – я вывел из гаража свой эндуро, или, как их называют в Америке, «грязевой байк»: шестисоткубовую «Ямаху Экс Ти», оставив ее молотить вхолостую на подъездной дорожке, а сам вернулся, чтобы подтолкнуть постоянно заедавшие ворота. Так и не могу собраться их подрегулировать. Когда едешь на работу, заниматься этим некогда, а когда приезжаешь домой, то уже неохота. Все время откладываешь, откладываешь – так и подталкиваешь рукой из месяца в месяц. Позор. А дел-то на пять минут наверняка.

Кстати, о доме – он по размерам такой же, как и мой московский, арендовал его с мебелью, и неплохой, что не так часто бывает, а плачу я за него чуть больше тысячи долларов в месяц. Тоже показатель того, что округ Юма – глухомань. Впрочем, я даже не в самом городе Юме живу – там дороже, а именно в округе, в крошечном городишке Уэлтоне, в гольф-клубе, раскинувшемся на ручье под совсем не романтичным названием Койотова Купальня, где я даже начал поигрывать в эту аристократическую игру. Точнее, уроки брать: в гольф играть с кондачка не научишься. А что делать? Скучно здесь.

Дом в аренду я нашел не столь по соображениям престижа, сколько по удобству поездок на работу, ну и цена понравилась. Когда жена была здесь, только морщилась, глядя на окружающий пейзаж. То ли дело у нас в Подмосковье, с видом на водохранилище и сосновый лес. За пределами гольф-комьюнити, которое тоже красотой не поражает, рай заканчивался. За федеральным шоссе номер восемь были апельсиновые плантации и промзона, где и располагался наш склад. Там же раскинулись два трейлерных парка: один – для проезжих туристов, асфальтированный и расчерченный белыми полосами, где стояли редкие сверкающие RV, и второй – оседлый, где в старых развалюхах, давно никуда не ехавших, называемых мобильными домами, селилась все больше всякая шваль вроде сезонных рабочих. Поэтому шоссе выступало естественным водоразделом между относительным богатством и бедностью, причем бедностью отнюдь не той, которую классики именовали «благородной».

С противоположной стороны тянулись поля, владельцы которых и закупали нашу сетку. Вода здесь в дефиците, а сетка помогает ее экономить. Найти бы еще средство, которое помогло экономить им пестициды... По слухам, ничего из того, что было выращено здесь, в рот и брать нельзя было: сплошная химия. Но я над этим слишком не задумывался, полагая, что от судьбы не сбежишь, а лишь избегал покупать полуфабрикаты.

Закрыв все же ворота, я сел на мотоцикл и рванул с места, чуть приподняв его на дыбы. Одна радость от пребывания здесь – мотоциклетный сезон круглый год, и есть где погонять на «эндуре», потому как вся пустыня в моем распоряжении. Разумеется, когда жена приезжала, приходилось брать машину в прокат, но пока в гараже лишь мотоцикл с велосипедом место занимают.

Вчера утром около часа проболтал по телефону с женой, потом весь день настроение было почти убитым. Услышал ее голос – она еще поплакала, дала с мальчиками поговорить... Тяжело столько времени без них, на стену уже лезу. Пусть они здесь летом были, а жена еще и позже прилетала, но тоска ужасная. Мальчишки там без меня растут, а я, понимаешь, сетку дренажную местным фермерам продаю. А что делать? По-другому продавать не получилось.

Сегодня настроение хоть немного поправилось, да и день ожидался хлопотный. Большой заказ нам подкинули, который с трудом разруливался с производством, – надо было что-то решать. Вот я и выехал сегодня пораньше. Солнце только поднималось, светя мне прямо в глаза, пока я выруливал по Колорадо авеню к Уильямс, которая вела к мосту, перекинувшись через шоссе. Было ветрено, по серому асфальту дороги несло песок, которого тут было

от края и до края. К вечеру ветер может совершенно разгуляться, и начнется настоящая песчаная буря – мерзкое явление, если честно. Потянет как из печки с севера, из пустыни Мохаве и одноименного округа, понесет песок и пыль, закроет небо, потемнеет... гадко.

Когда я уже почти заехал на мост, прямо за спиной у меня взвыла сирена. Я притормозил, полагая, что кому-то вздумалось остановить меня, но оказалось, что ошибся. Мимо пронесся на большой скорости черно-белый полицейский «хаммер» второй модели – и на таких здесь катается полиция. Неслись они энергично, меня даже волной воздуха качнуло, мигали разноцветными «люстрами». Перед оросительным каналом в глубоком крене полицейская машина свернула налево, на Тир-Дроп-роуд, в сторону трейлерного парка. Опять там что-то случилось – кто-то кого-то пристрелил или зарезал. На кражи и прочее подобное полиция туда не катается – их просто не зовут. Или пьяная драка между соседями, или что-то в таком духе. Эти драки обычно плавно перетекают в поножовщину.

Редкий мексиканец в трейлер-парке не носит ножа, а живущие в Сан-Луисе холодному оружию предпочитают автоматы Калашникова, которых в виде китайских, румынских и польских клонов осело в этих краях немало. А мексиканские банды сделали из нашего «калаша» настоящий фетиш – для них он символ революции и борьбы с той самой Америкой, в которую они переселились. Хотя никакого противоречия для них в этом нет. В свое время США эту землю отобрали у Мексики, а теперь мексиканцы считают свое переселение в эти края лишь восстановлением исторической справедливости, к чему их, кстати, весьма активно подталкивает мексиканское правительство. Реконкиста идет полным ходом, и идеи об отделении от США с организацией государства Ацтлан носятся в воздухе. Впрочем, всерьез их никто не воспринимает.

Я проскочил поворот к трейлер-парку, прокатил мимо высаженных стройными рядами апельсиновых деревьев, как раз и дававших работу его обитателям, выехал на Лос-Анджелес авеню – широкую и пыльную улицу, тянущуюся между сетчатыми заборами с выросшими вдоль них сухими кустами. Заборы огораживали территории складов, крошечных фабрик по упаковке цитрусовых, склада стройматериалов Тиллмана, фабрички по разливу пальмового масла и прочей подобной дряни, на которой в дешевых закусовых поджаривают начинку для бургеров, склад сельскохозяйственных химикатов компании «Гован», с которого их покупали все окрестные фермеры, и так далее. Даже крошечная нефтебаза была, чуток поодаль. Ветер нес по улице пыль, шары перекаати-поля, рваную оберточную бумагу, какой-то мусор – в общем, выглядело все достаточно уныло. Сыпануло мелким песком, так что я вынужден был щиток шлема немного опустить. За Лос-Анджелес авеню раскинулся песчаный пустырь, за которым уже выстроились ряды обшитых сайдингом домов местных обитателей.

Я проскочил до самого конца улицы, где привольно раскинулись еще три трейлер-парка, один из которых носил гордо название «Наконечник стрелы», а второй именовался, как здесь часто бывает, в честь одного из «отцов-основателей», в глубоком крене, покуражившись, свернул влево и оказался у решетчатого забора с воротами, за которыми стоял наш офис-трейлер. Все, приехал. Остановился перед воротами, огляделся. Я вообще имею привычку в этом месте всегда оглядываться, поскольку здесь соседство не слишком вдохновляющее.

И опять оказался прав. Среди трейлеров стояли фургон «скорой помощи» и две полицейские машины – еще один «хаммер» и «Краун Виктория». И тут что-то случилось.

Из фургона появился Джефф – бывший инструктор с полигона национальной гвардии, теперь работающий частным охранником. По ночам он дежурил у нас в офисе, охраняя склад – не только наш, а целый квартал складов, но базировался у нас. И им удобно – Джеффа и его сменщиков я имею в виду, – да и нам тоже хорошо. Забраться сюда пытались не раз, хотя совершенно ничего ценного для себя обитатели трейлеров найти бы не могли. На кой черт им мотки темно-зеленой полимерной сетки? Разве что украсть компьютер с телефоном из самого офиса.

Джефф отпер ворота и закрыл их за мной, когда я заехал на территорию. На нем была полувоенная серая форма, которую носили все в их агентстве, на поясе висела кобура с пистолетом – старым добрым «Кольтом 1911» «правительственной модели». В этом Джефф был консерватором, потому что все остальные его коллеги из охранного агентства ходили с новомодными «глоками». С другой стороны на поясе висели деревянная дубинка и наручники.

– Доброе утро, сэр! – поприветствовал он меня.

Он вообще всегда обращался ко мне «сэр», хоть меня это несколько напрягало. Хотя здесь так принято, это с непривычки я так реагирую.

– Доброе утро, Джефф, – кивнул я в ответ, стаскивая с головы шлем и рывком расстегивая «молнию» нейлоновой куртки. – Что там за шум?

Я ткнул пальцем в сторону трейлеров, затем начал стаскивать перчатки.

– Не знаю, сэр, – пожал он плечами. – Но шум там ночью был изрядный. Чертовы «спики»² орали до самого утра, а потом понаехало полиции. Сейчас половина из них уже уехала обратно.

Джефф, прямой потомок первых поселенцев-англосаксов, официально мексиканцев недолюбливал, хотя я постоянно замечал его приятельски беседующим с Паблито. Если точнее, то именно с Паблито он и дружил.

– Опять поножовщина была, наверное, – кивнул я.

– Не думаю, сэр, – мотнул головой Джефф. – Там еще и стреляли. Я всю ночь просидел как на иголках. Кстати, новости с родины уже знаете?

– Не понял. Что за новости? – насторожился я.

– Я же говорил вам, что иногда все же полезно смотреть телевизор, – усмехнулся он. – Вот вы его презираете, а в результате не знаете последних новостей. В Москве какие-то беспорядки, было в новостях.

– Что за беспорядки?

– Никто ничего толком не говорит, но есть жертвы, и показывали ваших копов, стреляющих на улице. – Он помолчал и добавил: – Всерьез стреляли, из автоматов.

Вот как... А Маша вчера ничего не сказала. Странно. Хотя в нашей тихой деревне можно и не услышать ничего, да и новости она не смотрит. Тем более надо ей позвонить. И в Интернет я вчера не залезал, а вот это зря. Джефф-то на самом деле не совсем прав: мне компьютер с успехом заменяет как телевизор, так и газеты.

Я прошел в пустой офис, повесил шлем с курткой на вешалку и уселся за стол Джека. Он только через час подъедет, так что можно сидеть. Включил компьютер, глянул на часы. Так, позвоню, пока компьютер грузится. В Москве уже шесть часов вечера – если там что и случилось, Маша должна была знать.

Придвинул телефон, натянул номер ее мобильного, прислушиваясь к пиликанию тонального набора в трубке. Взяла она трубку после пятого гудка, я посчитал.

– Золотая! – вместо приветствия сказал я. – Можешь говорить?

Терпеть не могу, когда она болтает по телефону, сидя за рулем. Лучше перезвоню. Она поняла смысл вопроса, ответила:

– Я дома. Никуда сегодня не выходила. Юрка приболел, сопливил, так что в школу не пошел.

Обожаю ее голос, грудной и мягкий. Как же я по ней тоскую!

– И ты не заставляла? – очень удивился я.

² «Спиками» в Америке называют всех латиноамериканцев. Откуда взялось само слово, существует масса теорий – и ни одной правдоподобной. Пишется как «spic».

Это у них камень преткновения. Наш старший сын десяти лет, как и любой другой ребенок, рад поболеть. Мама всегда подозревает его в симуляции и гонит в школу чуть не пинками. Если оставила дома, значит, у него точно сопли до пупа сегодня.

– Правда заболел, – засмеялась она. – Но в постель загнать не смогла – целый день с Сашкой бесился.

Сашка – наш младший, ему три. Как это ни странно, но друг друга старший и младший обожают, готовы играть вместе целыми днями. Обычно при такой разнице в возрасте бывает по-другому. Если возьмется вдвоем, младший тоже заразится. А разогнать их по разным комнатам невозможно.

– Что у вас в Москве делается? – спросил я о главном. – В новостях здесь что-то болтают.

– Не знаю. Вовка звонил, сказал, что вроде в городе чуть ли не психи разбежались откуда-то. Стреляли там, еще что-то в этом духе.

– Ты бы повременила вообще Юрку в школу возить, – сказал я, читая заголовки новостей в Яндексe. – Тут о вспышках немотивированного насилия в городе пишут. Посидите дома.

– А мы и так сидим – куда мне с больным деваться? – засмеялась она.

А ее смех меня вообще с ума сводит. Сижу вот, слушаю – и схожу. Почему не могу там сидеть и с ума сходить?

– Вот и посидите, – выразил я общую идею. – И новости послушай, знай, что говорят. А то начнется, как тогда, когда Боря по парламенту из танков стрелял.

– Думаешь, так серьезно?

Голос стал слегка обеспокоенным.

– «Отмечены вспышки немотивированного насилия. Есть жертвы. Сообщили по крайней мере о двадцати погибших и двухстах раненых. Начальник ГУВД города Москвы...» и так далее, – прочитал я ей с экрана. – Двести раненых в городе при вполне мирной жизни за одни сутки – очень много, это уже боевые потери.

– Ой...

Она явно испугалась.

– И что делать?

– Еда дома есть?

– Естественно, – даже оскорбилась она. – Ты за кого меня принимаешь?

– За счастье мое принимаю, – отмазался я. – Я имею в виду – еда на несколько дней есть в холодильнике?

– Конечно. Мы же позавчера на неделю запаслись.

Тоже верно. По субботам мы всегда на неделю еды накупили – при загородной жизни так удобнее. Ехали всей семьей в торговый центр, дети бесились у игровых автоматов, а мы наваливали по две тележки всякого съестного. Хорошо, что они эту привычку не оставили.

– Вот что... – Меня что-то во всем этом беспокоило, но я не мог понять что. – В общем, никуда не ходите. Потусуйте дома, кино посмотрите, проведите время, в общем. Ладно?

– Да что такое? – удивилась жена. – Ты о чем-то не говоришь, я же тебя знаю.

– Я пока сам не знаю, о чем не говорю, – сознался я. – Тут тоже какие-то безобразия ночью были, и погода плохая, вроде как песчаная буря идет. От этого, наверное, настроение такое, что ждешь неприятностей. В общем, посидите, я буду позванивать. Хорошо?

– Хорошо... – протянула она, озадаченная.

Я положил трубку, вновь уставился в экран. Новости какие-то подозрительные. И совсем непонятные. Одно дело беспорядки на темы политические, и с национальной тематикой тоже ничего непонятного не бывает, а тут... вроде кто-то на кого-то напал, кто-то погиб, а кто, зачем и почему? Ни слова. Такое ощущение, что пишущая братия сама не понимает, о чем пишет.

На сайтах телеканалов никакого видео с улиц нет, только интервью городских властей в полном составе. Какие-то маловнятные обещания, заявления, что все уже под контролем и так далее. А что под контролем? Каким контролем? И что вообще случилось-то, трудно сказать?

На безразмерном «Ю-Тубе» нашлась целая подборка видео на тему «Насилие в Москве», но в основном не по делу. Два ролика заинтересовали – они явно были свежими, но, что именно происходит, непонятно. В одном месте какой-то мужик бросался на толпу людей, а те разбегались. Причем бросался без ножа или другого оружия, и, что собирался сделать, я так и не въехал. И чего они от него бегали, тоже не ясно – проще навалить было. Видео было сделано мобильным телефоном, качество ниже плинтуса. Второй ролик был коротким и вовсе не понятным. Какая-то женщина в подъезде выходила из двери и бросалась на мужика, идущего по лестнице перед снимающим. Затем оба катились вниз, этот, кто снимал, ронял телефон, и запись останавливалась.

На русских видеосайтах были эти же ролики – ничего нового. И что делается? Совсем меня озадачили.

С улицы раздался звук мотора подъехавшего автомобиля, затем открылись ворота. Перед окнами мелькнула серая крыша старенького «сатурна». Паблито подкатил. Я глянул на часы – раньше всех. Еще четверть часа до начала рабочего дня.

21 марта, среда, вечер. Москва

Звонок мужа слегка озадачил Машу, но сказать, что она растерялась, было бы неправильно. Что-то такое она заподозрила уже вчера. Еще вчера ей звонила Настя – жена брата – и сказала, что слышала в городе стрельбу. Затем звонил уже сам брат и сказал, что в городе массовые драки или что-то в этом духе. Она подумала тогда на футбольных хулиганов или «бри-тоголовых». Сейчас позвонил муж, и это насторожило ее больше всего, поскольку именно ему она больше всех и доверяла. Они были женаты уже двенадцать лет, и за это время она достаточно хорошо его изучила и знала, что просто так панику наводит он не будет. Вообще он и паника были понятиями несовместимыми. Еще с первого дня их знакомства она довольно ловко научилась справляться со всеми проблемами, выяснив, что лучший способ для этого – донести их до него. Он вздыхал, пару минут думал, затем выдавал или готовое решение проблемы или обещал, что обязательно его придумает. И придумывал.

Муж был старше на девять лет, познакомились они, когда ей было девятнадцать и она оканчивала Институт иностранных языков, а ему было двадцать восемь, и он недавно вернулся к гражданской жизни, потому как после института очутился в армии, в лейтенантах. И на момент знакомства он был начинающим бизнесменом, довольно успешным. Тогда он занимался производством сборных домов из дерева, отчего мотался на машине дважды в неделю в Костромскую область и обратно. В конце концов он продал ту компанию, потому что устал от бесконечных поездок, и в результате с новой работой вообще угодил в Америку, откуда звонил ежедневно и жаловался на непроходимую тоску. В общем, не судьба была осесть на месте.

Между делом они выстроили себе очень неплохой дом в ближнем Подмоскowie, хоть и не по самому престижному направлению, продали московскую квартиру и полностью переселились, как она выражалась, «на пленэр». Сначала жизнь почти на берегу Пироговского водохранилища в доме со своим бассейном, спортзалом, сауной и домашним кинотеатром показалась раем, но, когда Юрка пошел в школу, стало сложнее. Из-за сумасшедших московских пробок приходилось будить его в шесть утра и везти до школы иногда чуть ли не два часа, а потом еще столько же обратно. Поэтому вся первая половина ее дня была занята доставкой Юрки в школу, а младшего, Сашки, в расположенный рядом детский сад.

Она в свое время планировала не отдавать младшего в сад, но не получилось – оставить его одного дома было нельзя, а решить проблему с няней в дачной местности оказалось невозможно. Так что дети отдувались за промахи родителей в планировании места жительства.

Однако сейчас удаленность их жилья от города ее порадовала. За окном стояла тишина, только где-то неподалеку в поселке лаяла собака и слышались детские голоса. Юркины друзья гуляют. Поселок был большой, и детей в нем хватало. Его она не отпустила, хоть он и просился – сочла наглостью требование отпустить его гулять, раз он сумел не пойти в школу. Да и прохладно еще было: весна только началась.

Снизу послышалось громкое урчание, и она опустила глаза. Барсик. Огромный персидский котяра, нахальный и очень ласковый. Муж обожал котов, и однажды ему подарили котенка. И уже по пути домой, когда они везли его в машине, Маша сама превратилась в «кошколюбительницу». А затем им подарили еще одного котенка, а еще через год Маша сама присмотрела третьего на кошачьей выставке и купила его. В результате они делили кров с тремя здоровенными и наглыми котярами. Два других сейчас наверняка где-то дрыхли.

Она нагнулась, подхватила на руки довольно заурчавшего Барсика и пошла вверх, в Юркину комнату, откуда доносились звуки компьютерной стрельбы. Как всегда, старший рубился в какую-то игру, а младший сидел на стуле рядом и с восторгом наблюдал за происходящим.

– Что на дом задали, выяснил? – спросила она Юрку нарочито строгим голосом.

Учился он хорошо, но, как любой нормальный ребенок, был рад любой возможности не учиться. Не напомни она ему о домашнем задании, он и не стал бы выяснять, что же сегодня задали. А потом схватил бы двойку – такое уже случалось.

– Я сейчас! – подчеркнуто засуетился он, при этом вовсе не отрываясь от компьютера.

– Пять минут! – сказала она. – Я проверю!

– Я проверю! – заявил младший, словно передразнивая ее, толкнул старшего в бок, и она засмеялась.

Затем вышла из комнаты сына и пошла вниз, в цокольный этаж. Подумала, включила сауну на разогрев. Тоже привычка, которую она подхватила от мужа. Впервые он затащил ее в парилку чуть не силой. Она попыталась убежать, он ее задержал, а через пару минут она ощутила, что ей там очень нравится. И с тех пор наличие дома своей сауны считала самой удачной их покупкой. Даже недавно пристроенный к дому бассейн не приводил ее в такой восторг.

Барсик сауну недолюбливал, поэтому, стоило ей зайти в кабинку и нагнуться к печке, он вырвался и с независимым видом удалился, задрав похожий на букет хвост и важно выпягивая лапами в пушистых «штанах».

– Ну и иди отсюда... со своими штанами, – сказала она ему вслед.

Маша подошла к двери, ведущей в бассейн, отперла ее. Из-за того, что одна стена бассейна была стеклянной, она сама настояла на том, что могучая, почти что сейфовая дверь отделяет его от сауны. И всегда следила за тем, чтобы она была заперта: так ей было спокойнее. Раньше она была намного беспечнее, но года три назад в соседнем поселке из-за такой беспечности погибла целая семья – грабители среди бела дня зашли в дом через открытую дверь, а никто из соседей даже не спохватился: все думали, что так и надо. А бандиты согнали всех жильцов в подвал – пожилого мужчину с женой и двумя гостившими у них внуками – и всех там убили, зарезав ножами.

Убийц вскоре поймали – это оказалась бригада строителей то ли из Молдавии, то ли с Западной Украины, которые до этого перекладывали крышу на этом самом доме. Но убитым старикам и двум детям было уже все равно. Ровно с той поры она стала относиться к вопросу запертых дверей намного серьезнее, к немалому облегчению мужа. До этого она считала его чуть не параноиком, а он всегда говорил, что двери существуют для того, чтобы их закрывать, в противном случае их бы не устанавливали.

Воспоминания о погибшей семье ее немного встревожили. Беспорядки в городе – теперь еще это вспомнилось... Андрей позвонил с какими-то непонятными страхами. Она прошла через спортзал к двери, ведущей в подвал, решительно открыла ее. Стало почему-то страшно-вато, когда она глянула на темную лестницу. Такого за ней раньше не водилось. Она мотнула головой, словно отгоняя страх, щелкнула выключателем. Свет упал на покрытые красноватой, искусственно состаренной плиткой ступени и нарочито грубую отделку стен. В подвале, кроме кладовок и гардеробной для несезонных вещей, были еще домашний кинотеатр с проектором и экраном во всю стену и даже небольшой бар. Они заранее определили подвал как продолжение жилой территории.

Она решительно прошла в гардеробную, встала на полку для обуви и пошарила рукой вверху. Так и есть, вот он... Она вытащила ключ от высокого сейфа, упрятанного в один из шкафов. Щелкнула замком, открыла массивную дверь. В глубине шкафа солидно поблескивали вороненой сталью два ружья. Еще когда только начали давать разрешения на владение гладкоствольным оружием, муж сразу же сделал себе такое, после чего поехал в магазин и вернулся из него с двумя длинными футлярами. Затем они несколько раз стреляли из ружей на природе, а муж постоянно подкупал патроны. Понемногу, по паре пачек в месяц, но в течение несколь-

ких лет. И теперь весь нижний отсек шкафа был забит небольшими картонными коробками с патронами.

В ружьях она ничего не понимала, но знала, что одно именуется помповиком, и у него надо постоянно передергивать такую штуку под стволом, а второе этого не требовало – надо было лишь жать на спуск раз за разом. На одном из них, этом самом помповике, стояло овальное клеймо с большим крестом, тремя коронами и надписью «Моссберг». Как называлось второе, она забыла, а искать клеймо ей было лень.

Она умела заряжать их и даже стрелять. Сначала муж буквально заставил ее, а потом, после первых попаданий в банки из-под кока-колы, выстроенные на поваленном бревне, ей даже понравилось. В ушах звенело, болело плечо, но было интересно и весело. С этих выездов на природу ее отношение к оружию исключительно как к орудию убийства испарилось. А сейчас вид двух тяжелых ружей в сейфе ее даже успокоил.

Она протянула руку, достала то из них, которое было самозарядным. С помповиком у нее получалось хуже – когда спешила, подчас патроны застревали при перезарядке. Ружье приятно легло в ладонь, надежно, увесисто, словно намекая, что она не беззащитна. Затем она вновь поставила его в сейф, взяла одну из коробочек, открыла. Внутри бок о бок лежали толстые пластиковые патроны. Десять штук в упаковке. Она быстро пересчитала коробки в шкафу. Вышло, что там не меньше пяти сотен патронов – даже удивилась, как их много. Затем захлопнула сейф и пошла из подвала наверх, немного успокоенная.

– Ты узнал, что на дом задали? – крикнула она снизу.

– Да! – ответил Юрка.

– Когда займешься?

– Когда Сашку отсюда уведешь! – слегка злорадно крикнул он.

– Начнешь делать – он сам уйдет! – крикнула Маша.

– Не уйдет! – крикнул Сашка.

Младший был упрямым как осел и готов был действовать даже себе в ущерб, лишь бы наперекор тому, чего от него требовали. Но никто такому характеру не удивлялся, потому что сама Маша в детстве была, со слов всех родственников, точно такой же. Гены.

Зазвенел домашний телефон. Она поискала глазами трубку и обнаружила ее на кухне, на барной стойке.

– Алло?

– Дорогая, это я! – как всегда, ерническим тоном объявил брат.

Брат, которого звали Володей, был ее младше на пару лет, здоров, как медведь, неумеренно болтлив, обладал талантом копировать и передразнивать людей, а вот недавно женился, когда от него уже никто этого не ожидал. На хорошей девушке Насте – двадцати пяти лет девушке, работавшей косметологом в каком-то модном московском салоне, и которая сейчас была уже беременна.

– Здравствуй, дорогой. Чего надо? – в тон ему ответила Маша.

– Ты сына в школу не пускай завтра, – сказал брат, неожиданно посерьезнев. – В городе черт знает что творится.

– А что там творится? – насторожилась она.

– Стреляют постоянно. Ты же телевизор не смотришь, как обычно?

– Нет, а что?

– Да болтают тут... не пойми что.

Кроме его голоса, в трубке слышались какие-то шумы. Звонил он явно с мобильного.

– Ты где сейчас?

– За Настей еду на работу. Заберу ее оттуда.

– Ну и правильно, – сказала Маша, почему-то уже догадываясь, чего хочет брат.

– Я хочу потом к вам приехать, даже вещи собрал, – сказал он сразу же, едва она додумала свою мысль.

– Давай.

Она обрадовалась, и ничего странного в этом не было. Брат ее до своей свадьбы вообще был добровольной сиделкой с ее детьми и в племянниках души не чаял, и они его обожали с той же силой. Места в доме хватало, никто никого не стеснял, а с братом всегда было весело. К тому же при нынешних обстоятельствах с ними было бы намного спокойнее, раз уж муж застрял на другом конце света.

– Приезжайте, конечно! Через сколько будете?

– Ну... трудно сказать. Машин на дорогах немного, кстати. За час доедем максимум.

– Раз вы в эту сторону, то по пути в «Седьмой континент» заскочите. Не в лом?

– Нет, конечно! А что нужно?

Володе ради любимой сестры никогда не было что-нибудь «в лом», чем она обычно беззастенчиво пользовалась. А на этот раз ее словно кто-то под локоть толкнул: «Скажи ему!»

– Всего, и побольше, что хранить легко. Андрюха звонил совсем недавно...

– И что? – насторожился Володя.

Андрей для него был главным авторитетом в этом мире, и к его мнению он прислушивался всегда.

– Да так... волнуется что-то. Сказал, чтобы мы как можно дольше из дому не выходили и продуктами запаслись.

– Понял! – сразу ответил брат. – Завалю весь багажник. Тогда часа через два жди.

– Жду, езжайте.

21 марта, среда, день. Округ Юма, штат Аризона, США

Джефф ушел с дежурства ровно в десять, когда началась работа и все собрались. Первая половина дня прошла за обычной рабочей суетой, было вовсе не до ночных новостей из трейлерного парка, хотя охранник успел рассказать об этом и Паблито, и Терезе.

Однако в середине дня в Интернете появились новые заголовки, которые меня не то что напугали – я в них не очень-то и поверил, но поразили до глубины души. Как насчет «Зомби атакуют людей на улицах Москвы»? Были и фотографии, в основном выложенные в Интернет случайными людьми. Официальные телеканалы хранили почти полное молчание, газеты в их онлайн-версиях что-то писали, но все разное, и единство у них было лишь в одном – в городе что-то происходит, причем очень плохое. Происходит там, семья моя тоже там, а я прохлаждаюсь здесь.

– Тереза! – окликнул я помощницу. – Мне билеты в Москву срочно, как можно быстрее, на самый ближний рейс. Любой класс, любая компания, любой маршрут, с любыми пересадками.

– Там что-то случилось? – спросила она.

– Что-то случилось, – кивнул я. – Какие-то беспорядки начинаются. Не хочу их одних оставлять.

– Я поняла, сэр, – сказала Тереза и склонилась над клавиатурой, но затем подняла голову: – Знаете, здесь тоже что-то происходит. На «Яху»³ в новостях говорят о каких-то случаях насилия в Нью-Йорке.

– Да? – насторожился я.

Это уже может стать проблемой. Американцы после самолетной атаки на торговый центр в Нью-Йорке вообще нервными стали – могут и полеты прекратить, с них станется. Или придумать что-то еще, столь же достойное и столь же проблемное.

– Понял, – кивнул я. – Давай как можно быстрее меня отправляй.

Я вышел из трейлера во двор и столкнулся с Джеком, командующим погрузкой длинных рулонов упакованной сетки в большой грузовик с логотипом компании, занимавшейся выращиванием апельсинов. За рулем погрузчика сидел Паблито, водителем же грузовика был толстяк в шортах и клетчатой рубашке, с длинными усами и наголо бритой головой. В руке у него была открытая банка кока-колы.

– Джек, на минутку! – отозвал я управляющего.

Тот подошел.

– Джек, я улетаю в Москву сразу же, как Тереза найдет билеты. Остаешься тут за главного.

– Почему такая срочность? – спросил Джек, наморщив красный и шелушащийся от солнечных ожогов лоб.

– Потому что начинаются беспорядки, боюсь, что закроют полеты. Справишься?

– А как ты думаешь? – усмехнулся он.

– Но спросить-то я должен? Верно? – засмеялся я и хлопнул его по плечу.

Джек отошел, а из трейлера выбежала Тереза с распечаткой полетов. Протянула ее мне, попутно отбарабанив скороговоркой:

– Ближайший рейс, на который есть билеты, завтра в двенадцать двадцать пять пополудни. Летите до Солт-Лейк-Сити с «Дельтой», ждете два часа, летите в Атланту, Джорджия. Там пересаживаетесь на московский рейс все той же «Дельты» – и следующим утром в Москве.

– Нормально. Бывает и хуже, – кивнул я. – Оплачивай.

³ «Яху» (Yahoo) – поисковая система в Интернете.

Мог быть и такой рейс, что больше чем на двое суток растянется. За сутки до вылета найти нормальные билеты невозможно, это откровенно повезло.

– На когда брать обратный?

– Бери с открытой датой – кто знает, что будет дальше... – поморщился я.

Открытая дата дорого, даже служебные расходы не бесконечны, но альтернативы не вижу – черт знает, как там все дальше пойдет.

– Хорошо. Оплачиваю с корпоративной?

– Именно, – подтвердил я.

Тереза убежала в вагончик, виляя толстым задом в белых шортах, а я задумался. Что все же происходит? Понятно, что насчет: «Зомби пожирают живых на улицах Москвы! Зловещие мертвецы АЛЧУТ вашей крови!» – кто-то развлекается, но у меня не получается придумать другой причины для беспорядков. Никаких проблем на горизонте не было, на мой взгляд. А если и были, то совсем другого характера. А в Нью-Йорке что случилось? Очередной расовый бунт? Так их вроде давно не было, с того случая в Лос-Анджелесе...

Так, и что делать? Я бросил взгляд на часы – три часа дня, в Москве уже полночь. Не так уж поздно, на самом деле. Будем считать, что повод экстренный. И я набрал телефон жениного брата. Он парень толковый, зря паниковать не будет, он мне и разобъяснит, что делается в этом мире.

Ответил он почти сразу, словно ждал моего звонка.

– Володь, привет, это я. Не разбудил? – поприветствовал я его.

– Ни в коем случае! – послышался голос в трубке. – Мы у вас в гостях, кстати.

Я едва сдержался, чтобы не испустить громкий вздох облегчения. Лучшего и желать нельзя: сам хотел его об этом просить.

– Володь, а что происходит?

– Ты не поверишь, но какие-то психи бросаются на людей. И кусаются. Эпидемия у дураков, что ли?

Судя по голосу, он был явно озадачен. Здорово так озадачен.

– И в чем проявляется? – осторожно уточнил я.

– А в том, что действительно психи на людей бросаются. Твоя жена нас с Настенной загнала в магазин за продуктами, хотя у нее и так провизии на батальон, а там какое-то чучело тетку искусало, еле ее отбили. А хмыря этого мент застрелил. По-простому так: бац в башку – тот и с копыт. К полному восторгу публики, некоторые аж переблевались.

– Ты серьезно? – обалдел я от такого рассказа.

– Серьезней некуда, я сам эту тетку отбить пытался. Он ее как собака порвал, прямо зубами грыз, и вид дурной, как у психа. Я ее в одну сторону тащу и ногой его пинаю, а ему все равно – зубами вцепился в руку и тащится следом.

Голос у него и вправду был ненормальный, слишком возбужденный.

– Тебя-то не укусил?

– Нет. А вот еще одного мужика куснул, тот в травмпункт уехал швы накладывать, – вздохнул он, затем добавил: – А я тут коньячок из твоих запасов пью, в себя прихожу. Тот, который кидался, даже с виду такой был, что только в фильмах ужасов снимать. Сам где-то ободрался, весь в крови, глаза бешеные. Мент ему дважды в грудь выстрелил, тот и не почувствовал как будто, настолько дурак. Когда в лоб ему засадили, только тогда уже копыта разбросал.

– Серьезно? – не придумав ничего умнее, переспросил я.

– Нет, шучу! – неожиданно обозлился он. – От меня все в трех метрах происходило!

– Во как... – не нашелся я, что ответить. – Я к чему звоню! Вылетаю завтра утром, буду в Москве в час ночи. Встречать не надо, сам доберусь. Сиди лучше с моими.

– А чего не надо-то? – возразил он. – Таксисты с тебя знаешь сколько сдерут?

– Да по барабану сколько! – чуть вспылал я. – Мне спокойней, если ты рядом со своей беременной и моими будешь. Понял?

– Ну... как скажешь... – смирился Володя. – А еды мы все же купили. И завтра хочу еще одну поездку сделать. Не возражаешь, если твою машину возьмем? В нее больше влезет. Жена моя недавно где-то карту «Метро» стрельнула, вот и затаримся оптом. Я забыл про нее сегодня, я завтра сгоняем.

– Да берите без вопросов, чего спрашивать?

Я попрощался и отключился. Во дела... Зомби, говорят... Как в кино... Хм. И что делать? Мент вот сделал – застрелил. Дважды в грудь стрелял, а псих не падал. «Дабл тап» типа, сдвоенный выстрел такой, его еще «бам-бамом» зовут. Я уже умею – там самый смысл отпускать спуск между выстрелами, тогда ствол сам возвращается на исходную точку... Если пистолет правильно держишь... О чем это я вообще? В голову ему стреляли, потому что психа «дабл тап» не свалил. Так вот... Вампир просто. А вампиров и в голову не валит, наверное. А машину пусть берут, у меня «патфайндер», у него багажник огромный, много влезет.

Нет, надо что-то делать, а то я до вылета совсем изведусь тут от неизвестности. Они там, где психи на людей кидаются с целью выжрать их мозг, или что там зомби обычно едят, а я тут ошиваюсь, сетку отгружаю... А что я могу сделать? Все равно самолет раньше не вылетит. Ох, только бы до завтрашнего утра ничего здесь не случилось. Местный аэропорт делит взлетные полосы с авиабазой корпуса морской пехоты, если что пойдет не так – те все к чертовой матери перекроют. Тут вообще всего военного вокруг до черта понатыкано, но ничего полезного. Полигоны испытательные, стрельбища, еще что-то, а войск самих и нет почти, одни названия, даже охрана на этих объектах гражданская.

Домой поехать? А что дома делать? Вещи можно собрать. Точно, вещи. И «тревожный чемодан». Очень полезно иметь «тревожный чемодан» на случай чего. Случилось – а ты уже готов, схватил его и побегал. Или убежал, не знаю как лучше. Надо только людей известить, что я уехал... куда? А по делам я уехал – босс я здесь или нет?!

Направился в трейлер и едва вошел, как Тереза протянула мне распечатку моего рейса. Теперь билеты электронные, никуда ехать выкупать их не надо, так что этой бумажки вполне достаточно для регистрации и посадки. Я посмотрел время, дату – все в порядке, в час ночи по Москве я уже должен буду приземлиться в аэропорту Шереметьево. Что еще нужно? Нужно, чтобы ничего до этого времени не случилось. Что же у меня такие предчувствия-то плохие? Интуиция обострилась или банальная паника? Лучше бы последнее – попаникую да и перестану. Выпью, например, чего-нибудь, и все пройдет. А ведь тоже мысль: бутылка хорошего коньяку у меня и дома найдется. А то нервы ни к черту, как у того мужика из анекдота...

Минут через пятнадцать я уже выехал из ворот, наказав перед отъездом звонить мне немедленно на мобильный, случись что нештатное. Дурные предчувствия категорически не отпускали. Я не стал сворачивать сразу в свой поселок имени купающегося койота, а поехал дальше, в сторону Юмы, решил все же немного осмотреться. Ехать туда не то чтобы далеко, но и не слишком близко – порядка тридцати километров, хоть все время по прямой. По не слишком загруженному хайвею⁴ номер восемь – отдых, а не езда, если не трястись, как я сейчас.

Моей главной целью было бросить взгляд на аэропорт и убедиться, что его не закрыли, что он не сгорел, что ничего с ним не случилось и что завтра с утра я смогу там сесть в самолет, улетающий в Калифорнию. Да и заправиться надо, кстати...

Нет, на заправку на обратном пути заеду, так как раз будет удобно – она прямо на хайвее. У меня еще половина бака не израсходована.

⁴ Автомагистраль, автострада (англ.).

А может, у меня действительно паранойя? Чего я сейчас трясусь? Кто поверит в болтовню о зомби? Ну, случатся в Москве беспорядки, выгонят на улицы ОМОН, подтянут внутряков в крайнем случае, и что? Разгонят за пару часов всех, а то и быстрее. Почему так кошки на душе скребут? Точно, надо бы психиатру показаться, здесь это модно тем более. Он меня про детство послушает, найдет подспудные страхи с эдиповым комплексом, вместе взятые, прозак⁵ пропишет. И успокоюсь.

Так, с мрачными мыслями, я доехал до аэропорта, оставив его по левую руку. Нет, тут все нормально, как мне кажется. Ни усиления, ни патрулей морских пехотинцев, ни даже нездорового оживления. Все тихо. Разве что двое полицейских, стоящих у своего «форда», обернулись на треск мотоциклетного мотора. Но выглядит все достаточно обыденно. Это обнадеживает.

Покатил дальше, по Одиннадцатой, застроенной с обеих сторон магазинами автодилеров, мебельными, спортивными и всевозможными закусочными, широкой, как сама аризонская пустыня. Едва я миновал длинную ограду кантри-клуба, как меня обогнали на большой скорости сразу две кареты «скорой помощи», которые, заложив пологий вираж на повороте, погнались на Четвертую улицу – оттуда до Медицинского центра Юмы рукой подать. Не знаю почему, но я увязался за ними. Наверное, подумал, что если есть проблемы в городе, то заметнее всего они будут у госпиталя – куда еще пострадавших-то таскать? Не то чтобы я ожидал, что на дверях вывесят стенгазету с описанием событий, но иногда и по суете можно понять, что делается.

В общем, так я и поступил и поэтому спокойно покатил на тридцати милях в час следом за «скорыми». И через пару минут заезжал уже на стоянку госпиталя.

Региональный медицинский центр Юмы был огромным, очень современным, по архитектуре напоминал дорогой отель и обслуживал весь округ, а заодно и часть окрестных. Местный Сити-холл законно им гордился, и его фотографии печатались даже в путеводителях по этим краям. Специализировался он как раз на хирургии и на оказании скорой помощи – просто местный институт Склифосовского. Логично было предположить, что если кто и пострадал в случаях странного насилия, то привезли таких именно сюда.

То, что не все в порядке в этой жизни, бросилось в глаза сразу: прямо у пандуса приемного покоя стояли сразу четыре полицейские машины, внедорожник пограничного патруля и целая куча «скорых». Кого-то быстро катили на каталке к дверям, санитар держал над пострадавшим капельницу – это все, что я успел разглядеть. Не может быть, чтобы в таком маленьком городишке, как Юма, пусть даже во всем округе, так много и так сразу оказалось пострадавших. Разве что была какая-нибудь большая авария на шоссе, но о ней бы уже все местные радиостанции трепались наперегонки, а пока молчок.

Присмотрелся внимательнее – у двоих полицейских руки забинтованы. У одного предплечье, у другого запястье. Поножовщина? Такое при поножовщине обычно и случается. Все равно все странно.

Я проехал дальше, прокатился по всей стоянке вокруг госпиталя, но больше ничего необычного не нашел. Однако в подозрениях своих укрепился: что-то все же происходит, а мы или не знаем об этом, или не понимаем. Второе даже хуже незнания.

А вообще мне бы лучше вернуться домой. Потому как наш «сытенький» по местным меркам поселок лишь шоссе и маленькая апельсиновая плантация отделяют от нескольких трейлерных парков с сезонными работягами, среди которых человека без судимости или проблем с алкоголем и наркотиками найти почти невозможно. Работа-то для нелегалов, но такие трейлеры иммиграционная служба часто шерстит, так что живут там самые что ни на есть граждане. И если гражданин выше уровня сезонника не поднялся, то следует думать о нем плохо. Или очень плохо. Это аналог российских грузчиков с овощебаз – или бомжи, или алкаши.

⁵ Лекарство от депрессии.

К чему я это? Да к тому, что если начнутся беспорядки, то как раз толпа обитателей трейлерных парков пойдет через дорогу громить жителей Койотовой Купальни. Это как на границе черного гетто жить во время расовых волнений. Такую возможность как очень вероятную рассматривают обе стороны потенциального конфликта с обеих сторон дороги.

Впрочем, и здесь, в самой Юме хватает проблемных мест. Это хоть и Аризона, но далеко не Скоттсдейл,⁶ а приграничный пыльный городишко. Почти напротив госпиталя как раз такие кварталы расположены – смесь пустырей, огороженных территорий, где собираются по вечерам местные торговцы дурными зельями и где ждут проезжающих машин исполнительницы сеанса орального секса за двадцатку, потасканные и некрасивые. Именно этим «соседством» рулит банда «Ацтеки» из Сан-Луиса.

А ведь еще совсем рядом граница. И если что-то начнется, сколько человек с той стороны попытаются под шумок порешать свои проблемы? Да как бы не каждый второй. Перспектива, в общем. Причем специфика сугубо американская – у нас в стране почва под потенциальными беспорядками обычно совсем другая. Но привык, уже умею местными категориями рассуждать.

И этим рассуждениям я предавался, пока мой мотоцикл не торопясь выехал по Южной на Тридцать вторую улицу, где расположилось немалое здание «Спрэгс Спортс» – главный оружейный магазин города. Если кто-то чувствует неприятности, то там должно быть оживление. Но все было как обычно. Пара человек расхаживала за сетчатым забором по стоянке с подержанными пикапами, несколько машин стояло у дверей оружейного магазина и тира, но не больше, чем обычно.

Впервые пожалел о том, что не стал получать «грин-карту», хотя возможность всегда была – не хотелось платить американские налоги, да и просто незачем было. А сейчас вполне мог бы прикупить себе что-то для самообороны. Есть такое ощущение, что это может понадобиться, но так, с рабочей визой, никто ничего не продаст. А ведь можно было и нелегальное что-то приобрести в свое время – скатайся в Неваду, например, на оружейную толкучку, да и покупай. Там половине продавцов только деньги интересны, а не твоя идентификация. Никаких проблем.

Проехав мимо, я выкрутил ручку газа, резко ускорившись, и покатил домой, наслаждаясь встречным ветром, задувающим под щиток. Заправлюсь по дороге, да и начну собирать вещички помаленьку.

⁶ Скоттсдейл – один из самых дорогих и престижных городков Америки, пригород Феникса. Множество гольф-клубов, кантри-клубов и прочего, население состоит в основном из богатых пенсионеров.

21 марта, среда, вечер. Округ Юма, штат Аризона, США

Примерно до девяти вечера все было тихо, никакого движения вокруг. Телевизор тоже никаких новостей о местных событиях не передавал, Си-эн-эн транслировала некий невнятный репортаж из Москвы, сопровождаемый кадрами, показывающими омонские патрули на улицах, бронетехнику и военных. Затем несколько раз показали трупы, просто лежащие на асфальте. Говорили о насилии в городе, показали мэра, что-то говорившего в микрофон, но исключительно как иллюстрацию к репортажу – что сказал мэр, так и осталось за кадром. Я чуть было не кинулся вновь звонить жене, но вовремя спохватился – в Москве еще шесть утра, спят они. Попозже их наберу.

Затем нечто неприятное пришло с улицы. Откуда-то со стороны крошечного аэропорта Уэлтона, где я учился недавно вожждению самолета, донеслись звуки стрельбы, причем с применением автоматического оружия, а затем там поднялся столб черного дыма, словно горел целый грузовик покрышек. Наблюдал я это уже из своего двора, куда вылетел как по тревоге. А ведь я там учился, на этом самом аэродроме. Я вытащил из кармана мобильный, нашел в списке номеров Дейва, инструктора по летной подготовке, и нажал клавишу вызова. Если он в курсе, то узнаю, что случилось, а если нет, то расскажу про дым и стрельбу – сойдет за дружеское беспокойство.

Однако телефон Дейва не отвечал, а сразу переадресовывал на голосовую почту. Или выключен, или вне зоны покрытия, или следует предполагать худшее.

– Что там случилось? – спросила меня через низкий забор соседка – короткостриженная полная женщина лет сорока, работавшая менеджером в местном «Кей-Марте».⁷

– Не знаю... – мотнул я головой. – Стрельба, потом что-то загорелось.

– Ой... – всплеснула руками соседка. – Если там разбился самолет, то у меня будет депрессия. Я не могу даже думать об этом.

В противовес словам говорила она вполне спокойно, даже чуть равнодушно. Я заподозрил, что упоминание депрессии должно было что-то символизировать в ее словах, например, степень ее участия в чужом горе. Или просто привычка вроде условного рефлекса – «происшествие, депрессия, психоаналитик, чек, прозак». Или рецепт на успокоительные, на которые подседа уже половина американских домохозяек.

Она ушла в дом, но меня окликнули с другой стороны – из дома напротив вышел Том Райли, еще один сосед. Владелец небольшой строительной компании, высокий, тощий и седой, он придерживался ковбойского стиля в одежде, почти никогда не снимая со своей стриженной головы белый «стетсон». Но здесь, в Аризоне, это вовсе не экзотика, так что никого он этим не удивлял.

А сейчас этот его образ укрепляла винтовка с рычажным затвором, словно сошедшая с экрана вестерна, которую он держал на сгибе руки. Я бросил взгляд на ее ресивер из синеватой стали – на нем было выдавлено слово «Марлин» и калибр – «.44 магнум». Под револьверный патрон винтовка, для «ковбойских игр».

Первый вопрос, который Том задал, тоже был о том, что случилось на аэродроме. После того как я сознался в незнании, он сказал, что у него свояк работает в полиции Юмы и якобы он сообщил, что в городе было несколько случаев очень странного насилия, странность которого состояла в том, что во всех случаях кто-то пытался кусаться. И зачастую с немалым успехом –

⁷ Один из универмагов сети фирмы «Кей-Март».

покусанных было много. Я согласился, что это более чем странно – один случай еще понятно, но несколько в один день... А заодно рассказал о своем разговоре с братом жены.

Том задумался, посоветовал мне быть осторожнее и ушел в дом. А я посмотрел на темноту, опустившуюся на улицу, и тоже решил не маячить. Со стороны шоссе доносились разноголосые завывания полицейских и пожарных сирен: стрельба и пожар на аэродроме незамеченными не остались.

Я еще потоптался во дворе, глядя в ту сторону, но через пару минут захлопнул за собой дверь в дом, а затем начал собирать вещи. Хотя что там собирать? Полечу без багажа, чтобы не зависеть от его перевалки во всем этом бардаке. Ноутбук, куртку со свитером, потому что в Москве еще холодно, что-то почитать в дорогу, ну и деньги с документами. Все в один рюкзак, и ничего больше.

Что еще можно сделать? Спать лечь? Не усну, весь на нервах. Кофе пить до утра? Не дело, мне еще потом лететь чуть не сутки, если все пересадки посчитать, обалдею от кофе. Вновь кинул взгляд на часы... нет, рано еще звонить. Интернет!

К вечеру новостные сайты России начали давать больше информации. Сайты официальных медиа давали ее скудно, больше обещая навести порядок в ближайшее же время, заодно умалчивая о самой сути проблемы. А вот сайты независимые говорили прямо – что-то произошло, и из-за этого «чего-то» начали подниматься мертвецы. И эти мертвецы жаждут нашей плоти, крови и всего прочего, возможно, вплоть до имущества. Как в дурном кино.

И еще в сети были видеоклипы. Теперь их было много, были они подробными и детальными, по крайней мере большинство из них, и простора для толкования событий они уже не оставляли. В следующие полтора часа я забыл обо всем, просматривая их один за другим. Но уже через четверть часа свято уверовал в то, что все сказанное в этих новостях – чистая правда. А когда осознал, то ощутил, как ледяная волна рванула у меня по всей спине, а волосы самопроизвольно зашевелились.

Сюжет фильмов ужасов наяву. И не только в Москве – сообщения идут со всей России и из большинства стран мира. Тоже в обход официальных каналов, тоже отрывочно и эпатажно, но говорили об одном и том же. Мертвые встают, мертвые едят живых. Их можно вторично убить выстрелом в голову. Или треснув чем-то тяжелым по этой голове – так, чтобы она совсем в лепешку, а иначе никак.

Снова пожалел, что не съездил на эту самую толкучку, не привез оттуда нелегально приобретенного оружия, провезя его при этом через границу штата. Второе, кстати, уже преступление федеральное.

И еще все говорили, что укус такого зомби влечет за собой смерть с последующим возрождением. Промежуток между смертью и воскрешением не больше пяти-семи минут. Укушенный мертвяком умирает через разные промежутки времени – зависит от места и размера раны, близости к основным сосудам и еще каких-то особенностей организма. Но умирают в ста процентах случаев. И всегда – чтобы восстать.

Так. А что здесь сегодня делается, в округе Юма? Что за выстрелы и кого в таком количестве везли в больницу? Я быстро нашел сайт местной газеты – «Юма Сан», влез в новостную ленту – «Последние местные новости». Сразу четыре сообщения о драках, укусах и стрельбе полиции. «Подозреваемый убит». «Подозреваемый убит». А не много ли для одного дня, да еще для такого захолустья, пусть и не самого спокойного? И вот эти укусы опять... Пострадавшим оказана помощь, некоторые в больнице, а некоторые отпущены домой – те, что отказались от госпитализации. Интересно, они сами-то заинтересовались таким большим количеством кусающихся? Или не догадались? Так, а в «Локал видео» у нас что? Вот ссылка, как раз под баннером местных «Одноклассников»... «Трахни в сорок лет ту, которая не дала на выпускном»...

Ролик под названием «Беспорядки возле Рузвельт элементарии». Ох... «Элементарии» – это же начальная школа... Пока я дождался буферизации всего ролика, глядя на крутящуюся шкалу в центре маленького экрана, у меня начали руки трястись, хоть я сам себя и успокаивал: «Случись что с детьми – уже об этом бы в каждой новости писали». Но дети тема такая – мало кто трезвое соображение сохраняет. Это уже генетика наша бунтует.

Наконец буферизация закончилась, закутилось видео. В кадре несколько полицейских активно и часто стреляли в двух окровавленных людей, пытавшихся подняться по ступенькам школьного крыльца. Попало в этих двоих множество пуль, не один десяток, и было заметно, что свалились они от выстрелов в голову – попадания в тело никакого видимого эффекта не произвели. Одному пули как минимум дважды попали в лицо, сбивали его с ног, но он поднимался и шел дальше. Ну и какие сомнения, кто тут у нас завелся? И как много пройдет времени до того, как «отказавшиеся от госпитализации» жертвы укусов радикально сменят имидж? А неотказавшиеся?

Нет, я все понимаю, конечно, так не бывает, но понимаю и другое – будешь настаивать, и тебе кранты. Поэтому настаивать не следует, надо принимать реальность такой, какова она есть, каким бы идиотизмом это ни выглядело.

Все! Мне край надо улететь с утра. Край! Любыми средствами! И я не хочу думать о том, что может случиться, если события выйдут из-под контроля. Карантин? Да запросто введут, причем запрет на перелеты станет первым шагом. Не хочу, мне к жене и детям надо. В Москву. Домой. В МОЙ дом, потому что этот, где я сейчас, не мой.

Там у нас дом как крепость. Там вокруг все свои. Там своя территория, в конце концов. В доме в Москве есть оружие. Два дробовика и патронов штук триста или даже больше, точно не помню, но я регулярно пополнял запас. А Володя сегодня... черт, звонить пора!

Маша ответила после второго гудка.

– Любимая! Это я. Как вы?

– Мы нормально. Но по телевизору такое передают...

Голос спокойный, но она нервничает – я ее хорошо знаю. У нее вообще так – если нервничает, то голос еще спокойнее становится, ругается – на шепот переходит, вместо того чтобы кричать.

– Здесь тоже началось, – сказал я в ответ. – Боюсь, как бы не объявили карантин. Похоже на эпидемию.

– Что за эпидемия, если трупы встают? – удивилась она. – Это же конец света. Уже вся Москва знает, что происходит.

Голос какой-то уставший, но вроде даже не испуганный. Это я один тут трясусь? Мне туда надо, к ним...

– Нет, это не конец света, это эпидемия, – ответил я. – И с ней справятся. С эпидемиями всегда справляются, даже во всяких Африках, а ты не в Африке, и я сейчас тоже не в Африке.

– Не похоже. Я звонила Ленке и Марине. – Это она перечислила своих лучших подруг. – Они говорят, что в городе страшно находиться, там стреляют и на улице трупы попадаются, так и лежат на дороге, где их убили. Они обе видели ходячих мертвяков своими глазами. В городе паника начинается, много погибших.

– Вы не в городе, – чуть успокаивающим тоном сказал я. – А я к вам приеду. Дождитесь меня, никуда не выходите из дома. Он у нас лучше всякой крепости.

Это верно. Строились мы не как в Америке, из картона и деревянных реек. Стены в три кирпича, могучие решетки на обоих этажах, сейфовые двери с распорками во все стороны – знаем, где живем. В такой ОМОН не вломится запросто, со всеми приданными средствами, не то что зомби. Главное, чтобы воды и еды хватало. Об этом я и заговорил.

– И как ты приедешь, если объявят карантин? – Голос у нее дрогнул – кажется, может заплакать.

– Ты меня не знаешь? – намеренно удивился я. – Я хоть раз в жизни в таком обманывал? Если сказал, что приеду, то приеду, пусть карантин, пусть война, пусть что угодно.

Она прерывисто вздохнула, в трубке зашуршало.

– Милая... – окликнул я ее. – Золотая моя, слушай внимательно. Слушаешь?

– Слушаю. – Голос и вправду вновь изменился, стал собраннее.

– Записать сможешь?

– Смогу. Уже пишу.

Ага, вот она где сидит – в библиотеке, за моим письменным столом, если ручка с бумагой под рукой. Пускай делом займется, это ее отвлечет.

– Пиши. Как можно больше продуктов вам надо. Сколько получится купить, на все деньги, таких, что можно долго хранить. Сама не ездь, на тебе дети – пусть скатается Володя. Он в армии служил, стрелять должен уметь.

– Я сама съезжу, мне не трудно, – чуть возмутилась она.

Это мы самостоятельные и самые смелые. Нет, я не смеюсь, но иногда проявляются эти качества не вовремя.

– Не вздумай! – надавил я. – У вас двое детей и беременная. Вдвоем из дома ни шагу никуда. Понятно? Никуда! Даже во двор! Обещай мне!

Тут надо сразу в атаку – упрямая она до жути. Если не сумею убедить – так и поедет в магазин.

– Хорошо.

Уф! Голос злой, но согласилась. Дальше легче будет. Если пообещала, то так и сделает.

– Отлично. Ему нужно оружие, и тебе тоже. Доставайте наши стволы из сейфа. Себе возьми «Эф-Эн», который самозарядный, ты с ним хорошо справлялась. Потренируйся, убедись, что ничего не забыла. Держи поближе к себе, но подальше от детей. Запоминаешь?

– Запоминаю. Давай дальше.

– Пусть всегда будет заряжено, и прицепи на приклад пластиковый патронташ, он тоже в сейфе лежит. И пусть в нем всегда будут запасные патроны.

– А как его цеплять? – озадачилась она.

– М-м... брата попроси, он сразу сообразит, – ответил я. – «Помпу» отдай ему, и тоже пусть держит поблизости и всегда заряженным. Поедет за продуктами – пусть берет с собой. Бойтся милиции – плевать, просто спрячет, но так, чтобы под рукой было, и больше без оружия ни шагу. Поняла?

– А ты как там?

– Тут стволов полно, и все легально, не проблема, – приврал я. – Уже все в порядке.

Она в такие мелочи влезать не будет. Есть, значит, есть, о чем еще говорить?

– Хорошо. Что еще?

– Вода и генератор. Пусть Володя посмотрит, что там с соляркой. Вроде бы полный бак, да и в сарайчике под крыльцом полная бочка. Ее неплохо бы затащить в дом.

– Зачем? – удивилась Маша. – Она же тяжеленная!

– Затем, что лучше будет не выходить на улицу вообще.

– Как «вообще»? – удивилась она.

– Так. Буквально. Ты понимаешь, что мертвяки могут оказаться возле вас в любую минуту? А не мертвяки, так кто-то другой. Пока все не уляжется, лучше сидеть в доме.

– Думаешь?

Странно, но такую возможность она не рассматривала, судя по всему.

– Уверен, – спокойно ответил я. – Поэтому после поездки за продуктами из дома не выходить. По возможности – вообще. Заприте калитку и ворота на замок, чтобы случайные люди или твари не забрели. Дрова из сарая надо все перетаскать в дом. Трудно, понимаю, но надо. Это камин, отопление и даже свет на случай чего.

– Ты думаешь, что отключат? – заметно испугалась жена.

– Не знаю, но готовым нужно быть ко всему. Все нужное должно быть в доме. Вода. Нужно как можно больше воды. Наполните питьевой все бутылки, у нас четыре штуки в подвале, хорошо, что отвезти не успел. Теперь вот пригодились. Если вода продолжает течь, то воду из них сливайте и наливайте заново. Так будет лучше. Понятно?

– Понятно. Диктуй дальше.

– Сейчас. Ты главное помни, что дом у нас – настоящая крепость. Пока вы внутри, вам никто угрожать не может, в нем вы в полной безопасности.

Я диктовал ей еще минут десять, затем попросил к телефону Володю и повторил ему то же самое, слово в слово. Говорил про то, что не следует афишировать свое присутствие в доме. Что не выходить без нужды на улицу, но если кто-то вышел, то кто-то должен быть у дверей с ружьем, чтобы прикрыть в случае чего. Рассказал про задернутые навсегда шторы, про то, что в бассейне надо закрасить стекла, чтобы с улицы невозможно было заглянуть внутрь. Иначе кто угодно сможет разбить стекло и войти – у нас нет там решетки, а главная защита – стальная дверь между бассейном и домом. И тогда находящиеся внутри отрежет от главного запаса воды. Потребовал отключить подогрев воды, слить из бассейна нынешнюю, с химикатами, и налить просто свежей и холодной, отключив подогрев, чтобы не зацвела. А затем накрыть полиэтиленом, чтобы не испарялась зря. Шестьдесят пять кубометров воды можно там хранить. Море! А мыться – и в ваннах, и под душем, пока вода есть. В общем, готовиться надо к самому плохому. Будет лучше – ну и замечательно, зато если все так и будет, то ты себя не раз по голове погладишь за предусмотрительность.

Заставил его подтвердить, что он умеет управляться с пистолетом. Про дробовики я и так знаю: он вместе с нами из них стрелял. В общем, наставил задач выше башки, но он все воспринял правильно – почувствовал, что дело пахнет керосином.

22 марта, четверг, утро. Москва

Пока Володя говорил с Андреем по телефону, Маша впервые всерьез задумалась о происходящем. Она вообще часто ловила себя на том, что мир за пределами семьи стала воспринимать как нечто не слишком важное. Особенно после рождения Сашки – смешного, упрямого и шептунного. Она была так спокойно счастлива в семье, что ей просто не хотелось думать о чем-то еще. Расстраивала командировка мужа, но она была у него в Юме, видела, как идут дела, и точно знала, что он скоро приедет. Наладится дело – и приедет. Он всегда приезжает домой, к ним.

Они были женаты уже двенадцать лет, муж любил ее до сих пор как в первый день, детей обожал, они в нем души не чаяли, материальное благополучие, пусть и не слишком уж гигантское, но тоже наступило, так чего еще желать? Она по-прежнему была красива, да и что может испортить в тридцать два года женщину, следящую за собой? Она только вступала в пору настоящего женского расцвета и прекрасно это осознала. Оборачивающиеся мужчины, да и женщины тоже, невероятная услужливость всех встречных и поперечных подтверждали: она прекрасна, и никто не ставит это под сомнение.

И вдруг посреди всей этой идиллии появилось, быстро расползаясь во все стороны, черное пятно грядущей беды. Она только сейчас сообразила, какой, собственно говоря, ужас сейчас творится в Москве. Представить вставшего мертвеца она не могла – в голове все время формировался кривоватый образ из какого-то фильма о мутантах-полурыбах, скользких, зеленых и с искусственными картонными мордами. Она видела этот фильм давным-давно, еще в детстве, на заре «видеоэры».

Спустившись в цокольный этаж, открыла дверь в подвал и опять испугалась. Темнота стала вызывать страх. Никогда раньше она не боялась темных углов в своем доме, а вот теперь появился мандраж. Зашла в гардеробную, направившись прямо к сейфу. Вновь нащупала ключи, открыла тихо скрипнувшую увесистую дверь, ухватила оба ружья, выложила их на полку рядом. Оглянулась, достала из другого шкафа спортивную сумку, с которой ходила играть в теннис, и начала наваливать в нее коробки с патронами. Заодно нашла два подвесных патронташа из серого пластика, которые тоже бросила следом. Володя разберется. Свалив на сумку сверху оба ружья, она с трудом потащила все к лестнице наверх, удивившись такой тяжести.

Дети пока еще спали – Юрка так вообще способен проспять до середины дня, если его не разбудить. Спала и Настя в гостевой – она вообще в последнее время, к концу беременности, спать стала много. А вот коты не спали, а тремя пушистыми кучами валялись на полу кухни, выжидательно глядя на нее большими янтарными глазами. Правильно, пора. Положив ружья на барную стойку, а сумку затолкав под нее, она открыла шкаф, вытащила оттуда мешок сухого «Роял Канина», насыпала в миски. Коты заурчали и, толкаясь толстыми пушистыми боками, ломанулись к завтраку.

– Вот вам жизнь... – пробормотала она, глядя на них. – Не жизнь, а чистый рай.

Затем отметила, что надо поручить Володе купить как можно больше кошачьего корма. Как можно больше, потому что аппетит у всех трех зверей был богатырский, а отказывать им она не привыкла.

Она прислушалась к тому, как брат говорил по телефону, и вышла в столовую. Занавески. Андрей сказал про занавески. А как не хочется их задергивать! Первое солнечное утро за эту весну, снег стаивает на глазах. Жалко лишать дом этих первых лучей настоящего, уже пригревающего солнца!

«Потом!» – решила она.

Действительно, какая скрытность, если сегодня они будут таскать дрова? Любой увидит с улицы, что все дома. А вот потом...

– Дорогая! – притворно-гнусаво обратился к ней Володя. – Я отправляюсь за продуктами. Буду грести все, что под руку попадается. Не уверен, что все магазины будут открыты, но вопрос я решу.

– Да уж наверняка, – улыбнулась она. – Но ты все же с «Метро» начни, ладно?

– Естественно! – кивнул он.

Это был настоящий дар ее брата – договариваться с людьми. Он был способен договориться с кем угодно, когда угодно и о чем угодно. И теперь была уверена, что, даже если закроются все магазины в мире, он договорится, чтобы для него один открыли.

– Возьми. – Она чуть подвинула по гладкой поверхности стойки помповик. – И вот это надо на них нацепить. Сможешь?

Нагнувшись, она достала из сумки два патронташа на пять патронов каждый.

– Да без проблем. Если бы ты хоть глянуть на них не поленилась, то и сама прицепила бы, – кивнул брат, быстро прилаживая пластиковые зажимы для патронов на положенные места.

– Мой тоже заряди, – сказала Маша, глядя, как брат ловко заталкивает патроны в ружье, по одному вынимая их из коробки.

– Дорогая, это уже сама, – ответил он не глядя. – Берешь в руки оружие – всегда заряжай сама. Правило такое.

– Трудно тебе? – удивилась Маша.

– А если меня рядом не будет?

Она пожала плечами, покрутила ружье, но быстро вспомнила, как это делается. И довольно резво натолкала патронов в магазин и патронташ. Затем, словно спохватившись, обернулась к брату:

– Вот что, – сказала она, – возьми мою кредитку и снимешь наличных, сколько получится.

– А какой дневной лимит? – уточнил брат.

– Нет лимита. На счету должно быть около четырехсот тысяч рублей. Сними... триста. Рублями, иностранных денег не надо, – предостерегла она. – Надеюсь, что банкоматы работают еще. Остальное пусть Андрею останется: ему еще сюда добираться.

– Хорошо бы, чтобы работали... – кивнул он. – Андрей сказал его «ниссан» взять. Разрешаешь?

– Бери, раз сказал, – кивнула она. – Мою машину только не трогай.

– Да кому она нужна-то, твоя? – засмеялся он. – Одно название, что багажник.

Она ездила на «ауди» третьей серии, которая размерами багажника действительно не блистала. Сама ее себе выбрала, соблазнившись спортивным мотором, запихнутым под капот машины небольшого класса. Водила она хорошо: сначала муж учил, который даже в гонках участвовал, хоть и любительских, а потом еще походила в школу экстремального вождения – уже для собственного удовольствия. Она вообще любила скорость. Но для перевозки грузов ее машина никак не подходила. Брат ездил на «фокусе» российской сборки, так что его транспортное средство тоже размерами багажника не поражало.

Володя схватил со стойки дробовик и три коробки патронов и, повесив ружье на плечо, направился в гараж. Прятать его он уже не собирался. Затем он вывел машину ее мужа и уехал, а она услышала, как наверху хлопнула дверь одной из детских и по паркету зашлепали босые пятки – Сашка проснулся.

22 марта, четверг, ночь. Округ Юма, Аризона, США

После того как я поговорил с Машей и ее братом, на душе стало спокойнее. Они дома, все вместе, Володя – мало того что преданный брат, но еще сильный и толковый мужик. Конкретно сильный, здоровее меня, а я тоже не маленький и не дохлый. Хотя... в наше время выражение «Я – не дохлый!» начинает звучать двусмысленно.

Если у него все получится с продуктами, а у такого, как он, должно получиться, то сидеть они смогут до моего приезда, никуда не выходя. А если закроют рейсы и объявят карантин? А по хрен, я все равно еду домой. Я! Еду! Домой! И все, и хоть трава не расти! И я туда приеду, даже если мне придется перебираться через Атлантику на бревне вплавь, а дальше идти пешком.

При этом мой взгляд мазнул по рекламному баннеру на интернетной странице местной газеты – там говорилось о небывалой распродаже мобильных домов. Для нас привычнее слово «кемпер», эдакий прицеп или автобус, в котором можно жить и путешествовать, но американцы под этим термином понимают нечто другое – скорее дом, который сверху «нахлобучивают» на пикап. А все вместе – то, что едет само, или нахлобучивается сверху, или тащится сзади на прицепе, или движется иным способом и предназначено для того, чтобы предоставить тебе уютный кров где-нибудь на природе, называется Ар-Ви, Recreation vehicle, «транспорт для отдыха». А что вы хотите: в Америке кризис, чем дальше, тем больше, и кемперы, они же мобильные дома, они же Ар-Ви, люди перестали покупать. Вот и распродажа. А я такой хотел в прокат взять грядущим летом и вдвоем с женой проехаться по американским достопримечательностям – вроде как второй медовый месяц устроить. Гран-каньон, Великие озера, Ниагара и все такое, пусть и не в такой последовательности.

Ладно, не до домов мне сейчас. Опасность ясна, и то, что случаи появления зомби уже и здесь имеют место быть, понятно любому любознательному. Мне в данном случае – я очень любознательный. А значит, следует быть готовым ко всему. Что еще?

Еще пройду по двору, огляжусь, послушаю, что к чему. Ночь уже, тишина. Не усну я, даже если лягу спать.

Я подошел к входной двери, прислушался. Страшновато как-то, если честно, когда думаешь, что где-то по соседству ожившие мертвецы могут бродить. Мертвецы. Бродить. Нормально? Само сочетание этих слов загоняет ум за разум. Включить свет на крыльце? С одной стороны, хочется, с другой – будешь как на витрине. Хотя мертвяк из темноты в тебя не выстрелит, а по освещенному двору подойти скрытно не сможет. Я оставил сомнения, щелкнул клавишей, и стекло в двери матово засветилось. Дверь называется, одно название – стекляшка и сетка. От кого такой закроешься? Вся надежда здесь всегда на сигнализацию и на то, что полиция быстро приедет. А этот поселок Койотова Купальня еще и частная охранная фирма оберегает, «Додсон секьюритиз», та же самая, что и наш склад бережет.

Дверь отворилась, а я еще раз оглядел двор через вторую, сетчатую дверь – экран от насекомых. Полезная штука, хоть в пустыне с комарами и москитами дело не очень обстоит – негде им здесь плодиться.

Я вышел на крыльцо, огляделся. И заметил красный огонек во дворе напротив, разгорающийся и гаснущий. В воздухе висел запах сигарного табака.

– Том? – окликнул я соседа.

Он большой любитель сигар, причем добывать умудрялся контрабандные кубинские – у кого-то из мексиканцев покупал.

– Он самый, – донеслось из темноты, и Том Райли вышел на свет все с той же винтовкой в руках. – Не спится?

– Да уснешь тут, – усмехнулся я. – Ты уже знаешь, что случилось?

– Про живых мертвецов? Мне кажется, что это какие-то идиоты-журналисты придумали, – скептически хмыкнув, ответил он. – Хотя... кусаются все, а это странно.

– Я только что звонил в Москву. Там их уже видели все, даже брат моей жены. Я с ним разговаривал.

– Ну, не знаю... – чуть лениво протянул он. – В любом случае я больше опасаясь ребят из трейлерного парка, что напротив, а не зомби из страшного кино. Эти ребята могут быть хуже всяких зомби с вампирами, вместе взятые. Особенно если надерутся дешевого пойла и соберутся в толпу.

– Могут, – согласился я. – Лучше быть настороже.

С этим грех спорить. И хоть оружие большинству из сезонников не по карману, несколько дробовиков на всю эту толпу найти может. Как иллюстрация к мыслям, со стороны Уэлтона донеслось завывание полицейской сирены, следом еще одной. А затем словно рейки начали ломать: началась стрельба из пистолетов. Пару раз глухо бухнул дробовик. Нет, это уже очень, очень серьезно. Здесь все же глухая провинция, здесь стреляют не так уж часто, а сегодня за один день сколько пальбы было!

– Проклятье! – выругался Том. – Это мне не нравится. Предлагаю держаться вместе на случай чего. Согласен?

– Согласен, – кивнул я. – Как связь поддерживать будем?

– Телефоны пока работают. Давай номер твоего сотового.

После обмена номерами телефонов мы разошлись по домам, но я еще долго стоял у окна, глядя на освещенную фонарями тихую улицу. Один раз там проехала полицейская машина, но потом так же медленно прокатил старенький грузовичок, тарыхтя разбитым мотором. Это уже подозрительно – похоже, кто-то присматривает себе добычу на будущее: в нашей деревеньке таких машин нет.

Затем вновь раздалась стрельба, но уже намного дальше, я едва ее услышал. Похоже, со стороны нашего склада. Не уверен, но очень на это смахивает. Кстати, там должен Джефф дежурить сегодня. Вообще-то не его очередь, но он поменялся сменами со вторым ночным охранником – Луисом.

Я опять взялся за сотовый, набрал номер офисного телефона. Гудок, другой, третий... Ждал я долго, но трубку никто не снимал. Отключился, затем набрал его мобильный номер. По мобильному он ответил сразу, голос был запыхавшимся.

– Джефф, доброй ночи.

– Доброй ночи, сэр. Простите, не успел к тому телефону. Это же вы звонили?

– Я. Что там случилось?

Пауза. Недолгая.

– Вы все равно не поверите, сэр.

Понятно. Нет, может, я и ошибаюсь, но мне так не кажется. По крайней мере, поставить сто долларов против одного, что не ошибаюсь, я готов.

– Ты хочешь рассказать мне о зомби?

– Сэр?

– О живом мертвце?

Снова пауза.

– Можно и так сказать, сэр, – сказал Джефф осторожно. – Прямо за воротами какие-то ребята застрелили парня. Но я не стал вмешиваться, потому что готов поклясться на святом причастии, что тот парень уже один раз умирал до этого, причем очень успешно.

– Успешно?

– Настолько успешно, что у него от одной руки только кости остались, а с них клочки мяса свисают. Его ели, сэр, словно труп обгрызали бродячие собаки или еноты. Да и выглядел он как восставший мертвец, пусть освещение на улице и не очень. Два парня на старом седане

остановились прямо напротив ворот, я и заподозрил дурное. Я, знаете, как раз обход территории совершал и стоял в тени, они меня не видели.

Кто бы сомневался, что Джефф обходил территорию. Луис, его сменщик, мог и проспать всю ночь в офисе, наплевав даже на карточку отметки обходов, но Джефф – военная косточка. Положен обход – значит, будет обход.

– Они смотрели на наши ворота, как вдруг тот мертвый парень вышел из темноты и пошел к ним. Один из парней достал пистолет и пригрозил ему, но тот и глазом не моргнул.

Я услышал в наушнике шаги и звук захлопнувшейся двери: это Джефф зашел в офис, судя по всему. Затем раздался характерный стук – голову на отсечение, что это он фонарь на стол выложил.

– В общем, дошло у них до драки, сэр, – вновь послышался его голос в трубке. – Парень кинулся на них как бешеный, они стали орать и стрелять – у второго тоже был пистолет, и в конце концов они того мертвого парня убили заново. Он так и валяется на дороге, а я не стал выходить со двора. Затем ребята на седане уехали, один из них был ранен, потому что... вы не поверите, но тот мертвый парень его укусил. Я видел это так четко, словно все показали по ТВ в замедленном повторе.

– А я тебе верю, знаешь ли, – сказал я. – Ты звонил в полицию?

– Еще нет. Сижу и думаю, надо ли это делать?

Для американца это вообще невозможный вопрос. Судя по всему, вся вселенная Джеффа перевернулась с ног на голову, если он сумел такое подумать, да еще и сказать вслух. Звать ли полицию?

– Думаю, что надо, – успокоил я его законопослушную душу. – Причем надо по одной причине – узнать, что они ответят.

– Да, действительно, надо попробовать. Хотите послушать?

– Не против. Не отключайся.

Затрещало, зашуршало. Это он телефон на стол положил. Затем послышался разговор, из которого я мало что понял – кроме того, что уже сам слышал раньше. Затем Джефф издал недоуменное хмыканье, несколько раз поблагодарил, повторил свои данные, после чего его голос опять приблизился.

– Интересная реакция, сэр, – сказал он уже мне. – Они сказали, что утром пришлют кого-нибудь, а пока предложили мне запереться и не выходить на улицу ни под каким видом.

Примерно такого я и ожидал, – хотел лишь в этом убедиться. Полиция начала сбиваться с ног, а еще предпочитает в темноте не выезжать, что разумно.

– И не надо выходить, – сказал я. – Думаю, что таких мертвых ребят в городе уже много. Дождись утра, потом езжай, куда хочешь.

Он помолчал, затем сказал:

– Сэр, думаю, что вы правы. Лучше я запрусь в офисе и не буду ходить на улицу. И обходы тоже не стоит делать.

– Не стоит, – подтвердил я.

– Сэр, а как вы? – вдруг спросил он.

– Я в порядке, спасибо Джефф. Удачи.

– Вам тоже, сэр.

На этом разговор закончился. Я глянул на часы – уже три часа ночи, завтра в аэропорт, а я еще не ложился. И что делать? Плюнул на все и завалился спать. И уснул, как ни странно. Так до сих пор и не понимаю, как мне это удалось.

22 марта, четверг, утро. Округ Юма, Аризона, США

Вскочил в семь утра, но все же как-то поспал. Побрился, поставил чайник, забросил пару ломтей хлеба в тостер. Вокруг было тихо, словно ничего и не случилось. Но когда я включил телевизор, то первое, что увидел, – карту страны во весь экран, на которой, словно ветряная оспа, высыпали красные кружки зарегистрированных вспышек насилия. Насколько я успел заметить, в Аризоне тоже несколько таких точек имелось.

Уставшего вида комментатор перебирал бумаги у себя на столе, прислушивался к чему-то в наушнике. Затем поднял голову, посмотрел в экран, сказал:

– Информация, что вы видите на экране, устарела. Эпидемия распространяется по всей стране с огромной скоростью. Сообщения о подобных проблемах идут со всего мира. Насколько нам известно, особенно тяжело складывается ситуация в густонаселенных странах Юго-Восточной Азии и в Индии...

Я встал перед телевизором с чашкой в руке, уставившись в экран. То, о чем говорили, не обнадеживало ни капли. Они пока не называли вещи своими именами, и подозреваю, что происходило это лишь потому, что составители программы сами себе не верили. Показали видеосюжет, как некая девица бросилась на улице на компанию подростков, свалила кого-то на асфальт, видна была кровь. Дальше все замелькало в кадре, и, что именно происходило, можно было догадаться только по крикам. Чей-то истеричный голос повторял: «Она укусила меня! Эта шлюха кусается!»

Так. Я сегодня еду в аэропорт. Какова вероятность того, что я улечу? О военном положении и карантине ничего не сообщали, но я мог и пропустить. А какова вероятность того, что в аэропорту бардак, летчика съели дома, стюардесса гоняется за аэродромным персоналом, пытаюсь его сожрать? Вот вопрос...

Выглянул в окно, но не увидел вообще ничего интересного – на улице не было ни души, и выстрелов с криками тоже слышно не было. Никто ни за кем не гонялся, никто никого не ел на глазах у изумленной публики. Тишина, неподвижность.

«...В Лос-Анджелесе полиция выстраивает кордоны на границах этнически однородных районов. Однако, по признанию начальника городской полиции, вспышки насилия не являются расово или национально мотивированными, и нападениям подвергаются самые разные люди...» – продолжал между тем говорить телевизор.

Интересно, что власти всегда ищут не там, где лежит, а там, где светлее. Проблема нестандартная, а вот пути решения ее пытаются найти в списке, предназначенном совсем для другого. Это не обнадеживает.

«...Представители движения за права би- и гомосексуалистов в Сан-Франциско потребовали выделения дополнительных сил для районов компактного проживания геев и лесбиянок. Они выражают опасение, что агрессия будет направлена на граждан нетрадиционной сексуальной ориентации...»

Ну, с этими все понятно. Если где-то что-то не так, подобная публика сразу о своих правах вспоминает. Вечная готовность к истерике – тоже средство обороны: от общества, по крайней мере, – но насчет оживших мертвецов не уверен. Даже если на них подать в суд... повлияет ли?

Включил компьютер, залез на сайт авиакомпании «Дельта». Никаких специальных сообщений, расписание полетов тоже на месте. Заглянул на сайт аэропорта, но рейс отмененным не числился. Свят, свят, свят... Затем полез по всем российским информационным системам. И поразился, насколько изменился тон сообщений уже сегодня. Слово «зомби» прочно заняло свое место во всех сообщениях. Появилась какая-то информация от военных, пытающихся поддерживать порядок в крупных городах и обеспечивать эвакуацию. Да, если верить сетевым

новостям, из Москвы начался отток жителей. А это значит, что тем, кто живет на даче в ближайшем Подмосковье, лучше быть настороже – жители бывают разные.

Я схватился за телефон, подумал: «Кому звонить? Володе». Он должен был выехать за едой, а заодно и оглядеться. Я быстро выудил его номер из памяти, набрал. Ответил не сразу, я уже собирался звонить Маше. Голос у него был запыхавшийся, но вроде даже веселый.

– Привет! Когда летишь? Где ты? – начал разговор он сам.

– Сегодня в полдень вылетаю, – ответил я. – Что там у вас делается? В Интернет страшно заглядывать: пишут новость что.

– Тут все плохо, – категорично ответил он. – А как там у вас?

– Началось по всей стране, боюсь, что рейсы отменят. Но пока не отменили. Ты выбирался в город?

– Да, выбирался. В Москву я даже не проехал: кругом военные кордоны, покойники перед ними на асфальте лежат, побоялся, что и в меня пальнут от нервной жизни. Поехал в обратную сторону, по сельпо – решил, что консервами и макаронами можно и там разжиться. Нашел сначала один магазинчик в какой-то деревне, в котором две пьяненькие тетки сидели, и скупил у них все, что смог. Затем нашел еще один, уже в другой деревне, в котором продавец был, но недееспособный.

– В смысле? Пьяный совсем? – не понял я.

С Володей вообще подчас разговаривать сложно. Во-первых, он хохмач по жизни, и никогда не поймешь, всерьез он или шутит. А во-вторых, есть у него манера выражаться цветисто и многословно, даже если от него хотят получить конкретную информацию. И вот эта манера напрягает – не поймешь, что он действительно хочет сказать.

– Нет, мертвый совсем, – уточнил он. – Но шустрый. Я сдуру в дверь постучал, он на стук и пошел. А я ему навстречу вошел, насвистывая и о высоком думая. Он меня даже за куртку ухватить успел.

– И что?

Раз говорим, да он еще и посмеивается, то закончилось все хорошо, но все равно интересно.

– Вырвался, он за мной погнался, я насилу забежать за машину успел. Вроде и не быстрый, а как взял разбег с крыльца, так я еле увернулся. А про ружье я поначалу забыл с перепугу.

– И что?

– А то, что от него в магазине тетка пряталась, в подсобке. Он за мной ломанулся, а она выскочила да и давай орать – ратуйте, мол, люди добрые. Он к ней повернулся, а я про волюну вспомнил. Ну и шамальнул ему в башню с двух шагов. А он упал и затих.

– Про голову – это точно? – переспросил я.

– Точно. Железно. Вся страна уже знает – снеси ему башку, и оно сдохнет окончательно. Или просто прострели ее, башку эту самую.

Вот это уже полезно. В первый раз действительно конкретная информация. Наконец кто-то сказал вслух то, о чем я тут гадал: выстрел в голову убивает. Все. Осталось только найти, из чего эти самые выстрелы в голову производить.

– Отлично, – сказал я. – Так что с продуктами?

– Загрузился еще и там, весь твой «ниссан» под крышу загрузил, еле доехал обратно. Хватит нам не знаю... на год, наверное. Скупил у них почти все макароны, набрал даже бульонных кубиков, специй, всего. Соль-сахар-спички, само собой. А сейчас дрова таскаем. Бочку с соляровкой я уже в гараж затащил, чуть не погиб под ней.

Это хорошо, что они запираются. Так мне спокойнее.

– Долго еще возиться осталось?

– Долго: дров полным-полно. Я таскаю с Юркой, а жена твоя с крыльца за нами смотрит, с ружьем в руке. Не пойму – то ли она нас охраняет, то ли надсмотрщиком себя чувствует. Настена с Сашкой в доме, их не выпустили.

Опять хохмить начал. Ну что поделаешь, такой уж человек.

– Володь, я вот что подумал... – сбил я его с дурашливой волны. – Знаешь, где мои мотоциклетные куртки в подвале висят? Мотоцикл-то продали, а снаряга вся осталась.

– Нет. Но Маша знает, как я думаю, – ответил он.

– На всякий случай... – задумчиво сказал я. – Не думаю, что какой-то зомби сумеет ее прокусить. Там кожа такая, что ножом не проткнешь. И щитки, и даже шлемы на всякий случай.

– Да? – Он явно задумался. – Знаешь, спасибо за совет, я потом померяю. Вот что еще: прилетишь – звони. Таксистов не осталось, как народ из аэропорта добирается, понятия не имею. А прорваться туда на машине пока совсем не проблема. Понял? И с ружьями можно уже открыто расхаживать, я своими глазами видел. Прорвемся.

– Спасибо, позвоню сразу, если прилечу. Боюсь больше всего где-то на пересадке застрять. Тут все же свои, и знаю, что делать, а где-то в Атланте, без всего... Ладно, черт с ним, Маше только о моих страхах не говори. Дай ей трубку, пожалуйста.

Хоть голос ее услышать. Не могу, тоскую так, что хоть в петлю лезь, а теперь еще и волнуясь за нее так, что руки трясутся, как подумаю, что им грозить может.

О чем говорили? Да ни о чем, в общем, о нас. С детьми тоже поговорил. Юрка даже коту трубку передавал, чтобы тот в нее помурчал. Старший кот у нас как дизель на холостом тахтит, если ему макушку чесать, что сын и проделал. Даже по котам тоскую, что уж о семье говорить?

– А если полеты закроют? – спросила она под конец разговора.

– Плевать. Все равно приеду.

– Как?

– Найму самолет. Найму пароход. Захвачу самолет, захвачу пароход. В конце концов, я дипломированный пилот, могу и сам прилететь, – напомнил я.

Ага, пилот, только легкой авиации. На поршневом взлечу и сяду, а что посерьезнее – вообще не в курсе, куда и как там нажимать.

– Ладно, пилот... – засмеялась она. – Будем надеяться, что все будет хорошо и ты вылетишь.

– Надеюсь. Но если не вылечу, то знай – я все равно приеду домой, чего бы мне это ни стоило. Ждите меня. Ждите обязательно. Даже если оборвется связь – знай, что я пытаюсь попасть домой, слышишь?

– Слышу.

Она всхлипнула. Я сдержался. Она отключилась.

Что буду делать, если не будет рейсов? Я ведь правду сказал Володе о том, что больше всего боюсь застрять в Джорджии. Здесь есть деньги, машина, дом, целое предприятие, где огромный склад и масса полезных вещей. Даже грузовик есть. Я знаю людей, а люди знают меня. Отсюда я могу организовать многое. Могу добыть себе оружие, в конце концов. А там, с одним рюкзаком – и в терминале аэропорта Атланты? Что я там буду делать?

А вообще я идиот. Это такое досужее наблюдение, но окончательное мнение только что созрело. Мне следовало с вечера выехать на машине в Солт-Лейк-Сити, и сейчас я был бы уже в аэропорту. И вылетел бы оттуда. Зачем мне рассчитывать на лишнюю пересадку? А заодно уже там бы определился, что же происходит на самом деле. Есть ли смысл пытаться лететь дальше или начинать искать другие пути? И была бы у меня с собой прокатная машина, и, если не получилось бы улететь, повернулся и поехал обратно, спокойно и уверенно. Но раньше

об этом надо было думать, раньше. До Солт-Лейк-Сити миль семьсот, наверное, а это больше тысячи километров, ехать долго.

Что у нас со временем? Долго еще ждать. Кстати, что делается на работе? Что без толку дома сидеть? Такси все равно вызывать бесполезно, так что добираться придется самому.

Я подхватился и через минуту заводил мотоцикл в гараже. Когда выезжал со двора, заметил Тома Райли, стоящего у окна у себя в гостиной. Он перехватил мой взгляд, помахал рукой. Я тоже взмахнул в ответ. Хороший он мужик – получше многих в этом поселке.

По знакомому до последней трещинки на асфальте маршруту проскочил до моста через хайвей, на котором было непривычно пусто, переехал на противоположную сторону. Замелькали слева и справа сады и грядки со всякой всячиной, затем дорога разбежалась в стороны, и я свернул направо, промчался, уже не стесняясь особо в скорости, по широкой пыльной улице через промзону, полюбовался в очередной раз на обшарпанные трейлеры в парке, после чего свернул к складу. И резко зажал передний тормоз, потому что прямо посреди дороги валялось мертвое тело.

Опа, вот оно как... К утру кого-то прислать обещали. Забыли? Или это новый? Я вывернул руль так, чтобы объехать труп впритирку. Пахло. Пахло разложением, над телом тучей роились мухи, гудение пробивалось даже через тарахтение одноцилиндрового мотора. Да, это тот самый и есть, о котором Джефф говорил. От одной руки – только кости, скрепленные сухожилиями, измазанная спекшейся кровью белая кость, как в мяснижке. Сомнений нет: руку кто-то объел. Во лбу дыра от пули, бок черепа вывален – выходное отверстие. Судя по одежде, один из обитателей трейлер-парка или вообще бродяга.

В пыли лужа запекшейся крови. Джефф говорил, что он успел кого-то укусить. Лужа немаленькая – значит, укусил сильно. Если все так и есть, как говорят в Интернете, укушенный уже сам кого-то съесть пытается или лежит с простреленной головой. Почувствовал, как мутная волна тошноты поднимается из желудка, в глазах потемнело, голова немного закружилась. Чтобы не свалиться вместе с мотоциклом, отвернулся резко, прибавил газу и подъехал к воротам. Гадство, непривычный я к таким зрелищам, да еще вот так буднично лежит себе труп посреди улицы.

Возле вагончика офиса был припаркован старый белый «Форд Бронко» – большой и крепкий внедорожник, в свое время очень популярный. Сам о таком мечтал, помню, когда сосед по московскому гаражу притащил такой же откуда-то. Да и вообще машина что надо для этих краев – сломать трудно, чинить легко, мотор не сложнее «волговского».

Джефф вышел из вагончика с ключами – вид настороженный, рука на кобуре. Разглядев меня, кивнул и распахнул ворота. Я проехал внутрь и встал возле его внедорожника, слез с мотоцикла, заглушив мотор. Джефф указал рукой на лежащий в пыли труп, сказал:

– Видите? Так и лежит. Никто не приезжал.

Смотреть я не стал: чего я там не видел? Джефф сокрушенно покачал головой. Такой беспорядок у него пока в сознании не укладывался.

– Да, разглядел. Тихо было?

– Часов в пять утра стреляли где-то неподалеку. Не слышали?

– Нет, уже спал в это время, – покачал я головой.

– Крепкие нервы. Не каждый уснет в такой ситуации, – усмехнулся он.

– У нас в Койотовой Купальне было тихо.

– Вы улетаете сегодня? – спросил он, помолчав.

– Надеюсь улететь, – вздохнул я. – Глядя на все это, не очень верится, что получится.

Как-то не укладывается у меня в голове, что при всем том, что творится, я смогу пройти регистрацию, попить пива в зале ожидания и вылететь самолетом, как будто все нормально.

– Кто знает? – спросил он философски. – Кто вас отвезет? Я слышал, что таксисты не ездят уже.

– Сам поеду. И оставлю мотоцикл на стоянке в аэропорту. Если вернусь, то заберу его, не вернусь – значит, уже не вернусь никогда и плевать, что с ним будет.

– Я мог бы отвезти, – сказал он. – Оставили бы его в гараже. Или здесь.

– Спасибо за предложение, но думаю, что к середине дня у тебя других проблем будет хватать. Ситуация ухудшается.

– Говорили с Москвой? – угадал он.

– Говорил. Мне кажется, что мы повторяем здесь все, что уже случилось там. А там совсем плохо.

– Значит, и здесь будет плохо, – согласился с моими выводами Джефф. – Не думаю, что наше правительство умеет действовать жестче вашего. А болтовня по телевизору уже не поможет, – задумчиво добавил он. – Во время «Катрины» они это прекрасно доказали: столько саморекламы и никакого толку, с бедствием в одном городе справиться не могли.

Тут я с ним молча согласился. Пусть в наши времена Россия и не образец организации функционирования общества, но на подобные бедствия реагирует куда лучше, чем американцы, которые чуть не месяц не могли даже наладить патрулирование города от мародеров. Да и потом наладили через задницу, иначе не назовешь, когда для этой цели вынуждены были наемников из «Блэкуотер»⁸ приглашать – национальная гвардия оказалась пшиком, полиция сбежала первой... не о том я, в общем.

Главное, в чем я действительно с ним соглашался, – это в том, что в Америке ситуация может сложиться даже хуже, чем в России. Слишком большие индивидуалисты сами американцы, слишком не приспособлена к проблемам внутри страны власть, слишком не на те задачи нацелена армия. Да и морально американцы, на мой взгляд, к внутренним проблемам не готовы. То ли дело мы, когда у нас что ни год – или понос, или золотуха, нас... того, а мы крепчаем.

С улицы донесся звук малолитражного дребезжащего мотора, и у склада появился «Сатурн» Паблито – серая потрепанная малолитражка. А буквально следом за ним показались машины Терезы и Джека, к моему, признаться, большому удивлению. Не думал, что они появятся на работе так вот вовремя. Тогда я просто собрал их в офисе, налил себе холодной воды из кулера и произнес речь. Рассказал, что делается в Москве, рассказал о мертвецах, рассказал о том, что дальше будет только хуже. Все сидели на своих местах, смотрели на меня молча, и я даже не мог понять, доходят до них мои слова или кто-то из них сейчас извинится, выйдет из трейлера якобы до ветру, а сам срочно начнет звонить в ближайшую психиатрическую клинику. Однако когда я закончил, Джефф, так пока и не уехавший, согласно кивнул, Тереза ойкнула, а Джек спросил, что же они должны делать.

– А делать вы уже ничего не должны, – объявил я, обведя всех взглядом. – Езжайте домой, думайте, как спастись. Если все наладится – жду вас здесь, а вы ждите меня. Если не наладится... Ну, для начала помните, что у нас есть здесь крепкое здание склада за крепким забором, и здесь можно укрыться. А вообще – запасайтесь оружием, готовьтесь защищаться. Больше ничем не могу никому помочь, кроме как советом.

Закончив, я встал, попрощался со всеми разом и направился к выходу из трейлера. О чем здесь еще трепаться? Поеду лучше у аэропорта подежурю, выясню, что там делается. Только сперва домой заеду, рюкзак прихвачу.

Неожиданно прямо у мотоцикла, когда я надевал шлем, меня остановил Паблито.

– Хефе! – окликнул он меня по-испански. – Хочу вам пару слов сказать – я только за этим и приехал, если честно.

Я повернулся к нему:

⁸ Американская частная военная компания, по факту – наемники, существует с 1997 г., имеет много филиалов и учебных центров.

– Чего ты хотел?

Он заулыбался по обыкновению, а затем заговорил со своим отчаянным испанским акцентом, широко жестикулируя:

– У меня появилась идея, как мы с вами можем помочь друг другу. Я уже знаю про мертвых, которым не терпится пойти гулять, и знаю, что им надо стрелять в голову. А еще я живу в Сан-Луисе, и наши банды почувствовали, что у копов не хватает на них времени. А мне никогда не удавалось накопить денег на хотя бы простой дробовик – слишком много у меня детей, и все они хотят есть, причем все время. И мне не из чего стрелять мертвым в голову и нечем отбиваться от банд в городе.

Затем он замолк, выжидательно глядя на меня и продолжая улыбаться.

– И что ты хочешь предложить? – спросил я, уже догадываясь.

– Хефе, я никогда не был осужден, я уже десять лет как гражданин этой страны и резидент этого штата последние четырнадцать лет. Никто и ничто не может мне запретить купить винтовку или пистолет, только мой кошелек всегда мне мешал. А вот у вас есть деньги, вы застряли в нашем штате, но не имеете права просто пойти к торговцу и купить что-то, что поможет вам защищаться.

Я усмехнулся. Ну можно ли к такой простой идее подходить так издалека?

– Продолжай.

– Хефе, если я куплю оружие в магазине, то смогу продать его любому человеку, кто даст мне свои данные и является резидентом благословенного штата Аризона. И у меня нет возможности проверить, правдивы эти данные или нет. Я же не АТФ,⁹ согласитесь. Я вынужден верить на слово покупателю и лишь записать те данные, которые он мне даст о себе. В лучшем случае мне достанется фотокопия его водительской лицензии. Но ведь он мог предъявить мне и фальшивую, верно?

При этом он заулыбался так, что усы разъехались чуть не до ушей, а зубы засверкали на солнце. А я подумал, что предложение неплохое, но нужно ли оно мне? А если я улечу все же?

– Я же улетаю сегодня.

– Я знаю, – кивнул он и полез в карман, достал оттуда какую-то визитную карточку и протянул мне. – Вы уж простите, но я вовсе не уверен, что вы сможете улететь. Возьмите это. Это один ломбард в Юме, там работает приемщиком мой родственник – двоюродный брат жены. Он не будет возражать, если я вас там подожду пару часиков. Если вы не улетите в полдень, то уже в час дня наверняка сможете быть там.

– Ломбард?

Ломбарды в Америке, особенно в западных штатах, торгуют оружием в больших количествах. Разным и в разном состоянии, в основном подержанным, но можно найти и многое в хорошем состоянии за разумные деньги. Подчас даже очень разумные – в оружейном магазине отдашь раза в три больше. Но это уже как повезет.

– Хорошо, договорились, – кивнул я. – Как насчет данных покупателя?

– Я уже подобрал из наших накладных, – ответил Паблито. – Я хочу тысячу долларов за все. На эти деньги я смогу что-то купить. Ну а сколько потратите вы – дело ваше. Мой родственник, его зовут Хесус, сможет подобрать что-то приличное для нас. Ну а если вы улетите, то тогда вам удачи.

– Спасибо.

⁹ АТФ (ATF, Alcohol, Tobacco, Firearms) – федеральное агентство в США, обязанностью которого является контроль за оборотом табака, алкоголя и оружия.

22 марта, четверг, день. Округ Юма, Аризона, США

Когда я снова заехал к себе в поселок, мне показалось, что все прячутся по домам и смотрят в окна. Я словно кожей чувствовал взгляды, направленные на меня, когда ехал по Колорадо и Кортес, на которой жил, но сами улицы были пустынные. Мотор трещал, эхо от стен домов возвращалось ко мне. Вообще сегодня всюду бросалась в глаза пустота. Пустота на дорогах, пустота на улицах. Словно все спрятались по домам и ждут, что же будет дальше. А может, так оно и есть, кто знает?

Перед домом ничего подозрительного не было, я даже не стал заезжать в гараж, а слез с мотоцикла на подъездной дорожке. Но забежал внутрь все же побыстрее: как-то уже неуютно я стал ощущать себя на открытых местах.

Пробежался по комнатам, огляделся. Схватил со стола открытый ноутбук, захлопнул, не выключая, лишь выдернув «фиговинку» мобильного модема, быстро запихал в рюкзак, поближе к спине. Что еще? Все собрано, все на месте, все готово. Остальные вещи так в шкафах и остались – если не улечу, то все равно вернусь домой.

Еще раз по комнатам: утюги – чайники – кофеварки включенные есть? Нет. Значит, пожара не ожидается. Запрещенные с собой для провоза предметы – ножи, жидкости, ножницы, пилки для ногтей? Тоже нет. А на нет и суда нет. Все, побежал, побежал, побежал. Черт, где распечатка на билеты? Можно и без нее, но с ней проще. Вот же она, у меня в кармане. Документы на месте, все на месте, мобильный заряжен, зарядник в сумке с ноутбуком. Багажа нет вообще, лечу налегке. Не до вещей теперь – лишь бы добраться.

Так, вот самое главное – четыре тысячи долларов в конверте, одними двадцатками. Здесь это не слишком принято, но у меня привычка – без наличных не оставаться никогда и ни при каких условиях. Тем более что нам и на работе иногда приходилось принимать наличные от хорошо знакомых покупателей, да и самим платить «бумагой», как здесь говорят, – за транспорт, например. Поэтому эти четыре тысячи хранились в большом желтом конверте всегда и неизменно, при необходимости пополняясь.

Конверт – в сумку, шлем – в руку и вновь на улицу, к машине. Опять увидел Тома в доме напротив, у окна гостиной, но без винтовки в руках на этот раз. На улицах нашего и без того тишайшего поселка вообще пустота, лишь кто-то одинокий бредет посреди дороги в конце аллеи. Интересно, кстати... А кто это будет посреди дороги бродить? Именно бродить – медленно так, вальяжно. Ведь ощущение надвигающейся беды просто в воздухе висит, как пыльная буря, что часто приходят сюда из пустыни. Воздух становится красным и мутным, жаркий, тяжелый ветер мешает дышать... А сейчас с такими же ощущениями идет беда, я ее позвоночником ощущаю. А там кто-то прогуливается?

Я вновь бросил взгляд на Тома, стоящего в эркере панорамного окна. И увидел, как он указывает мне на медленно бредущего человека, что-то пытаюсь дать понять. Я замер со шлемом в руках, затем сделал максимально выразительный жест, показывая, что не понимаю. Он махнул рукой – подожди, мол, исчез из оконного проема, чтобы через несколько секунд появиться на крыльце с винтовкой в руках. К ней еще добавился револьвер в кобуре на поясе – здоровый такой, никелированный и с рукояткой из черной резины. По всей окружности пояса в гнездах патронташа разместились изрядного калибра патроны с белыми алюминиевыми гильзами. Приготовился к неожиданностям.

Том перебежал через улицу, остановился рядом, спросил:

– Привет, как дела?

– Нормально, в аэропорт собрался. Что не так с этим парнем?

Я указал рукой в сторону медленно приближающейся покачивающейся фигуры. Пьяный, что ли? Странно идет как-то.

– Посмотри на него.

Том протянул мне свою неизменную ковбойскую винтовку, на которой теперь появился небольшой оптический прицел. Я взял у него из рук, вскинул, приложив к плечу, навел на идущего человека. Ах, вот оно что! Без увеличения не разглядеть – он еще далеко, а в четырехкратный прицел видно отлично: зомби. Без всяких сомнений. Обвисшие мышцы лица, мертвая бледность, странная походка – словно марионетку ведут за ниточки. Я навел перекрестье прицела ему в середину лба, затем опустил винтовку и отдал ее обратно.

– И что делать? – спросил я. – Стрелять?

– Не уверен, – мотнул он головой. – Джереми Бирман в окно таращится, знаешь его?

– Бирман? – переспросил я.

– Следующий дом, адвокат для АКЛУ,¹⁰ – кивком показал Том направление.

– И что?

– Он все поглядывает на улицу с рукой на телефоне. Ждет, когда мы дадим ему возможность вызвать полицию и начать защищать права гобблеров.¹¹

– Кого?

– Гобблеров. Так этих бродящих ребят назвали по телевизору за аппетит. Недавно услышал, но слово уже разошлось.

– Он что, ума лишился? – поразился я.

– Он делает это для жизни. Зарабатывает на хлеб и масло, – вздохнул Том.

Я посмотрел на дом, который он указывал. Действительно, в окне был виден человек, причем явно наблюдавший за нами. Неужели у него ума хватит заняться защитой гражданских прав ЭТИХ? Хотя... в этой стране все возможно, я за год пребывания уже успел в этом убедиться. И этого самого адвоката вовсе не интересуется, опасен бредущий по улице зомби или не опасен. Он уже видит себя в модном галстуке на процессе и видит, как потом дает интервью... и ему плевать на все остальное. Даже не плевать, а класть вприсядку – так корректнее звучит. В этой стране главное – успех, а уж какого рода этот успех – дело десятое, даже если ты успешно спасаешь от отстрела алчущих нашей плоти живых мертвецов. Стервятники вроде тех, что крутятся здесь в больницах и предлагают каждому получившему травму подать в суд на кого-нибудь.

Мертвец между тем явно обнаружил наше с Томом присутствие и направился в нашу сторону.

– Том, – вдруг осенило меня, – да плевать на него, если честно. У меня возле работы ночью пристрелили такого вот гобблера, и до сих пор труп валяется на дороге. Полиция не приехала и приезжать не собирается. Ты просто сидишь дома второй день и не знаешь, что им уже на все плевать.

– Вот как? – удивленно поднял брови Том.

Слабо он среагировал. Неприехавшая полиция – в этих местах настоящий нонсенс. Значит, подсознательно начинает привыкать к новым реалиям.

– Думаю, что так, – кивнул я. – Разрешить?

Я протянул руку к его винтовке, и он молча передал ее мне.

– Пойдем, – махнул я рукой и забежал за угол своего дома, где увидеть меня из окна адвокат Бирман точно не мог.

– Это зачем? – не понял моего маневра Том, забежавший следом.

– А вот зачем, – пробормотал я и опустил на колено, целясь в приближающегося мертвеца.

¹⁰ АКЛУ (ACLU, American Civil Liberties Union) – американская либеральная правозащитная организация, на настоящий момент превратившаяся в кошмар страны, зарабатывающая политический капитал на защите прав кого угодно, вплоть до осужденных маньяков.

¹¹ от слова to gobble (*англ.*), что переводится как «жрать, пожирать, обжираться».

До того осталось уже не больше пятидесяти метров – даже прицел не нужен был, чтобы разглядеть его хорошенько. А в прицел же я увидел его глаза. Они были странно живые и одновременно мертвые, совсем-совсем не человеческие. Мурашки пробежали у меня по спине, словно кто-то высыпал мне за шиворот целую коробку мелкой холодной дроби. Тьфу, гадость какая...

Мертвец при жизни был строительным рабочим, по крайней мере, на нем был сигнальный жилет, а на одной руке так и оставалась рабочая перчатка. Видимых повреждений я на нем так и не нашел. Укусили его или что-то другое случилось – непонятно. Но в том, что он был мертв, сомнений не возникало. Как это объяснить? Не знаю – по глазам. Такие глаза не могут быть у живого человека, даже психа, даже маньяка-детоубийцы. Это не человеческие глаза – мутные, покрытые какой-то пленкой бельма, продолжающие шевелиться на совершенно неподвижном лице с перекошенными чертами.

Приклад довольно неудобно упирался в плечевой щиток мотоциклетной куртки, но я все же приспособился. Средним пальцем сдвинул кнопочку предохранителя у скобы, затем мой большой палец нащупал курок, стоящий на полувзводе, оттянул его назад до боевого положения. Значит, есть патрон в патроннике. Перекрестье прицела четко разместилось на лбу оставившегося мертвяка – судя по всему, он потерял нас из виду, присевших за низким забором. Ну и славно...

Грохнул выстрел, винтовка совсем не сильно лягнулась в плечо – патрон револьверный, сорок четвертого калибра. Но мертвеца опрокинуло назад, а из его головы выбило настоящий фонтан крови и мозгов – пуля-то мягкая и с выемкой. Вот так.

Дернув рычаг, я выбросил пустую гильзу, затем подобрал ее с травы, горячую и дымящуюся, подкидывая в ладони, размахнулся и забросил как можно дальше. Затем протянул винтовку Тому.

– Не видел, кто стрелял?

– Нет, – мотнул тот отрицательно головой. – Откуда-то с соседней улицы.

– Вот и все, пусть звонит куда угодно.

– Посмотрим? – спросил сосед.

Странно. Я только что убил человека, пусть уже и мертвого, но никаких эмоций по этому поводу не испытываю. Почему? Совсем чурбан бесчувственный или так и надо? А как оно вблизи?

– Пойдем глянем, – согласился я.

Мы вышли из-за угла моего дома и обнаружили адвоката Бирмана, стоящего на тротуаре и вертящего головой. Точно ведь, тварь такая, ищет, на кого пожаловаться. Но морда кислая – понимает, что раз не видел, как мы стреляли, то уже половина счастья в помойку ушла.

– Еще и его бы неплохо... – пробормотал Том.

– Это ты уже сам, – усмехнулся я. – Мне не положено, я иностранец, а отстрел адвокатов есть почетная обязанность гражданина.

– Неплохо бы, – повторил сосед. – Знаешь этот анекдот, когда арабские террористы захватили самолет с американскими адвокатами?

– Нет, а что?

– Они пообещали отпускать их по одному в час, пока не выполнят их требования.

Я хихикнул из вежливости, потому что этот анекдот знал задолго до того, как приехал в Америку. Тем временем мы подошли к лежащему на асфальте телу, под головой которого расплылась небольшая бурая лужа. Совсем небольшая, только от вывалившихся из расколотого черепа мозгов, крови почти не было. Зато стала видна причина смерти – пулевое ранение, которое до того было скрыто сигнальным жилетом. Парню, с виду молодому, не старше двадцати пяти, выстрелили в сердце.

От тела уже ощутимо пованивало. Жара здесь все же, все мертвое гниет сразу. Кстати, это обнадеживает – ведь рано или поздно каждый из этих гобблеров разложится до недееспособного состояния.

– Это что же получается? – спросил я вслух. – Что поднимается любой мертвый? Не только укушенный?

– Не знаю, – хмыкнул Том. – Но я поверил, по крайней мере, что это и вправду был мертвец.

– А до сих пор не верил? – удивился я.

Том обернулся ко мне, посмотрел в глаза и сказал:

– Я не видел Иисуса, призывающего их на Страшный суд, знаешь ли. Поэтому, по моему разумению, восставать они не были должны.

– А почему поверил? – полюбопытствовал я, продолжая рассматривать покойника.

– Потому что нет крови. – Том указал пальцем на пятно на асфальте возле головы. – Кровь течет у живых: ее гонит сердце. А у мертвых она совсем не течет: нет никакого давления.

Верно, так и есть. Я тоже это слышал.

– Что будем делать? – спросил я. – Так и оставим его здесь?

– Не знаю, – пожал плечами сосед. – Вообще-то трупы не положено трогать до приезда полиции, но раз ты говоришь, что она уже не ездит...

– То что?

– Надо его хотя бы сдвинуть в сторонку, пока на него не налетел кто-то на машине и не размазал по асфальту до самой Канал-стрит.

С этими словами, не обращая внимания на вонь и жужжащих мух, на удивление немногочисленных кстати, он нагнулся, ухватил мертвеца за пояс брюк и несколькими сильными рывками оттащил его в сторону, к тротуару, бросив прямо перед чьей-то лужайкой.

– Надо бы его на газон к Бирману оттащить, – заявил я. – Пусть там воняет и напоминает ему о своих правах.

– Ты потащишь? – усмехнулся Том.

– Нет, пожалуй, – отрицательно покачал я головой и с трудом проглотил слюну: от вони да и самого зрелища к горлу подкатывала тошнота. – Не поташу, противно.

– Привыкай, – с каким-то скрытым намеком сказал Том.

– А ты где привыкнуть успел? – проявил я любопытство к его биографии.

– В «Дурной Земле». А ты говорил, что вроде бы служил в армии.

Верно, как-то обмолвился я о своих офицерских погонах, полученных после института.

– Техником в авиации я служил, – отмахнулся я. – К тому же в таких краях, что там проблема разложения мертвых тел стоять вообще не могла – скорее бы потребовалась их разморозка.

Хм... а ведь это тоже мысль... Люди на севере живут, не вопрос. Хоть в Мурманске, а хоть и на Шпицбергене. А вот мертвяки «живут»? Если они...

Преодолевая брезгливость, я нагнулся и прикоснулся тыльной стороной пальцев к нелепо вывернутой шее мертвеца. Бр-р-р, холодный! Холодный, как жаба, как и подобает быть мертвому. Застрелил я его минуту назад, остыть бы он еще никак не успел.

– Ты что? – не понял моего маневра Том.

– Холодный, – оповестил его я о своем открытии, выпрямляясь и инстинктивно вытирая руку о штаны.

– И что? – не понял моей радости Том.

– Если он холодный, то не сможет существовать в холоде.

– В смысле?

Южанин. Из Аризоны. Все ему надо растолковывать.

– В смысле, что на Аляске они закочуют и если не промерзнут насквозь, то впадут в вечную спячку вроде тритонов. До тепла, по крайней мере. И в Северной Канаде. И еще много где. Или просто вся жидкость в нем превратится в лед, клетки разорвет, и... – Вместо окончания фразы я просто развел руками, приглашая Тома самостоятельно представить трагический конец ожившего мертвеца.

Том недовольно сморщился:

– Там холодно.

– Я знаю, поэтому и говорю, – подтвердил я его догадку.

– А никак нельзя проверить, не умирают ли они от обезвоживания? – сказал он, беря меня под локоть и уводя от мертвеца. – Уехали бы в пустыню, куда-нибудь в середину Прувинг Граунд, и ждали бы там, когда они пересохнут. Или на авиаполигон.

У города Юмы есть две главные достопримечательности. Первая – это Юма Прувинг Граунд – самый большой в Америке испытательный полигон Сухопутных сил, который раскинулся на десятки километров во все стороны и занимает как раз все пространство между Юмой и нашим Уэлтоном, а на север тянется аж до федерального шоссе номер десять. В основном это горы и пустыня, местами пересеченная оврагами и обмелевшей речкой, кое-где в ней есть малопонятные ангары, какие-то строения и даже большой парк для техники с капонирами и навесами – на случай больших учений. Есть какой-то минимальный запас бронетехники и пушек, но постоянно военных служит очень мало, лишь какие-то частные охранники, ну и технический персонал там обитает. Но преимущественно это просто пустыня с многочисленными грунтовыми дорогами.

Второй же достопримечательностью можно считать авиаполигон имени Барри Голдуэтера, который расположился по другую сторону шоссе номер восемь прямо напротив Прувинг Граунд и тянулся до самой мексиканской границы. Там тренировалась в бомбометании и ракетопускании авиация, на радость жителям окрестностей, подчас сутками слушающими грохот, доносящийся оттуда. А еще по городу упорно бродили слухи, что немалая доля кокаина проходит в страну как раз через этот полигон и чуть ли не военными вертолетами. Впрочем, не об этом теперь речь.

Но в чем-то Том прав, хоть и думает, что шутит. Случись большая беда здесь – и самым надежным укрытием могут стать эти самые полигоны. Думаю, что по скалам и раскаленной пустыне не каждый оживший мертвец туда доплетется. А если учесть, как палит солнце, то он рискует высохнуть в мумию. Наверное.

Мы подошли к моему дому, встали у мотоцикла. Я снял с сиденья шлем, собираясь натянуть его на голову, но Том показал рукой куда-то мне за спину и сказал:

– Марк Эшли. Живет здесь рядом. Знакомы?

Я обернулся и увидел быстро идущего в нашу сторону весьма упитанного, но крепкого дядьку в камуфляжных штанах, защитного цвета майке, обтягивающей могучие, хоть и жирные плечи, и в военного типа разгрузке в цветах пустынного камуфляжа. Глаза закрывали темные стрелковые очки, при этом еще и песочного цвета камуфлированная панама отбрасывала тень на лицо. Поди узнай его с такой маскировкой, учитывая, что с такими пузами они здесь через одного.

На груди у мужика стволом вниз висело нечто здорово смахивающее на армейский карабин М-4¹² с маленьким оптическим прицелом на рукоятке для переноски и фонарем под стволом. На толстом бедре плотно сидела кобура с пистолетом. Выглядел мужик воинственнее некуда – хоть сейчас его грузи в вертолет и сбрасывай в джунгли, если вертолет сдюжит. Впро-

¹² М-4 – укороченная армейская версия винтовки М-16. В Америке имеется порядка 15 производителей огнестрельного оружия, основанного на конструкции AR-15 (М-16 в военной версии). Некоторые производители очень крупные, такие, как «Армалайт», «Бушмастер» и «Кольт», есть и поменьше, но достаточно качественные – например, «Олимпик Армз».

чем, будь у меня возможность, я постарался бы выглядеть не хуже. Думаю, это взбадривает тебя самого, потому как страшновато вокруг. Как-то не очень комфортно чувствовать себя безоружным – считай, что голым – против угрозы.

– Привет, парни! – окликнул он нас, после чего отдельно поздоровался с Томом: – Привет.

– Знакомы? – спросил Том, указывая на меня.

– Нет, виделись издали, – сказал мужик, протягивая мне для пожатия крупную ладонь, с которой он быстро содрал стрелковую перчатку. – Соседи?

– Почти, – кивнул я, пожимая руку.

– Вы стреляли? – спросил толстяк.

Вместо ответа Том показал Марку свою винтовку. Тот кивнул, посмотрел на меня, сказал:

– Парень, ты не выглядишь готовым к неприятностям.

Толстая ладонь сочно хлопнула по ребристому черному цевью висящего у него на груди карабина.

– Мне в аэропорт надо, – пожал я плечами, решив не болтать об истинной причине моей невооруженности.

– В аэропорт? – удивился толстяк. – Ты думаешь, что самолеты летают?

– А почему они не должны летать? – поинтересовался Том. – Что-то сообщали?

– Нет... – Марк задумался. – Будь я проклят, если в чем-то уверен: просто мне кажется, что, пока в нашем борделе пожар, самолеты летать не должны.

– Кстати, ты не слышал, что случилось у нас на аэродроме? – спросил его Том.

– Говорят, что там была какая-то драка, которая закончилась стрельбой. И пуля угодила куда-то, куда ей не следовало попадать. По слухам, человек двадцать обгоревших оттуда увезли в госпиталь.

– Гобблеры? – спросил Том.

– А кто же еще? – пожал плечами Марк. – Вчера их еще никто не узнавал, как я думаю, вот и не поняли, что же на самом деле случилось.

Я подумал, что это не совсем здорово, если тяжелораненых везли в госпиталь. Потому что госпиталь совсем неподалеку от аэропорта, и если они начнут умирать... Мы сами только что убедились, что восстать из мертвых способен не только укушенный. И тогда мне могут перекрыть подъезд к аэропорту. Потому что госпиталь находится прямо за ним. Тогда что я здесь-то лясы точу?

– В любом случае мне стоит проверить, – сказал я и быстро натянул шлем на голову, после чего взялся за перчатки.

Хотя стоять в компании еще двух вооруженных мужиков куда комфортнее, чем ехать в неизвестность, но мне надо лететь.

Взревел мотор, я топнул ногой по педали переключения передач и дернул с места, чуть приподняв переднее колесо, миновав по пути стоящего на лужайке и сосредоточенно щурящегося на мобильный телефон адвоката Бирмана. Точно ведь пытается вызвать полицию, сволочь такая. У меня даже мелькнула на уровне подсознания мысль, что в такие суетные и опасные времена никто и не заметит, что некий адвокат Бирман получил пулю в голову, вовсе не будучи при этом бродячим мертвецом...

Шоссе номер восемь в сторону Юмы было почти пустынным. Навстречу мне несколько раз проезжали машины – или явно торопящиеся, или, наоборот, едущие слишком медленно, словно висящее в воздухе напряжение заставляло людей действовать отлично от обычных своих привычек. Кто-то бежал, а кто-то крался.

Впрочем, я тоже ехал не торопясь – куда медленнее обычного. Обычно же я люблю прокатиться с ветерком, насколько позволяет не слишком быстрый, зато заметно вибрирующий

на высокой скорости эндуро. А сейчас мне хотелось с максимальной вероятностью избежать всех возможных дорожных проблем, чтобы ничто не помешало добраться до аэропорта.

Почти сразу после выезда из Уэлтона дорога стиснулась с двух сторон крутыми осыпающимися холмами, между которыми тянулась на протяжении примерно метров двухсот. Прямо на въезде в теснину раскинулся еще один трейлерный парк под названием Лигурта, а вот в самой теснине, к своему удивлению, я обнаружил полицейский кордон. Сразу три машины – две легковых и внедорожник, сверкая включенными маяками, частично перегораживали шоссе. За ними расположились несколько полицейских, или, как их здесь называют, офицеров, вооруженных не только пистолетами, но и карабинами М-4.

Я подкатил ближе, но офицеры не обратили на меня не малейшего внимания. Все они смотрели в сторону Юмы, хоть на дороге не было ничего подозрительного, и, когда я, сбросив скорость до десяти миль в час, проезжал между их машинами, один лишь махнул мне рукой – мол, катись, не задерживайся. Ну и славно. Не хватало застрять в какой-нибудь проверке или обнаружить, что дорога перекрыта.

Проехав кордон, я вновь выкрутил газ, и мотоцикл резво разогнался до допустимой скорости, превышать которую не хотелось – не буду все же лишний раз рисковать, есть предчувствие, что это еще не раз придется делать.

А что вообще происходит? Я отчего-то воспринял это все как данность, словно так и надо. А с какой вообще стати вдруг мертвые начали подниматься? Слышал ли кто о подобном за всю историю человечества? Вот я, например, люблю историю, всю жизнь читал книги, но упоминания о поднимающихся мертвых не встречал. И если рассмотреть динамику происходящего, то началось все в Москве, судя по всему. Что это? Мои земляки прогневили Бога до такой степени или какие-нибудь военные доигрались с секретными вирусами? Или это была диверсия террористов, вырастивших вирус в зловещих лабораториях, которыми командуют бородастые, дурно пахнущие талибы и всякие зловещие богатые Усамы? Что это все значит?

Что-то у меня никаких теорий не возникает на этот счет, разве что периодически демонстрируемая по телевизору карта очень похожа на распространение эпидемии. Сначала возникают первые очаги, затем их окружают очаги поменьше, а где-то поодаль появляются незаметно и словно случайно еще два-три красных пятнышка, а потом уже эти пятнышки выбрасывают метастазы, которые сливаются в одно кроваво-красное пятно, словно открытую рану на теле страны.

Я размышлял, а дорога, прямая, как мои намерения, понеслась между полями, за которыми поднимались холмы, прикрывавшие от нескромных взглядов огромные пустые пространства военных полигонов. Черт, как же здесь много всего военного, и как при этом мало самих военных. Может быть, как раз сейчас они бы оченьгодились. Вроде ведь у той же морской пехоты огромная база на юго-востоке Юмы, а что на деле? Тренировочный авиаотряд с «харриерами»¹³ и несколько вертолетов, технари и подразделение охраны. Им в случае проблем самих себя бы защитить, не говоря уже о городе.

Впрочем, «маринз»¹⁴ дали о себе знать. Откуда-то со стороны аэропорта прямо над дорогой прошел вертолет – вьетнамский ветеран «хьюи»,¹⁵ без всякого подвесного вооружения. Я могу в чем угодно разбираться плохо, но в одном я разбираюсь хорошо – в вертолетах. Мало того что «крутил хвосты» «крокодилам» и «головастикам»¹⁶ аж четыре года, так еще и почищать про них любил – с картинками, так что опознаю любой и с любого ракурса.

¹³ «Харриер» – британский истребитель-бомбардировщик. Имеются и палубные варианты, и даже американский «харриер» второго поколения.

¹⁴ «Маринз» – так в просторечии именуют морскую пехоту США.

¹⁵ «Хьюи» – американский многофункциональный, или многоцелевой, ударный вертолет, разработка 1960-х гг.

¹⁶ Вертолеты: «крокодил» – Ми-24, «головастик» – Ми-8.

Вновь замельтешили поля, окруженные пыльными дорогами и узкими оросительными каналами, затем шоссе плавно перетекло в широкую улицу с номерным названием Тридцать вторая. У меня появилась в последнее время теория, что улицы под номерами сохраняются на всякий случай. Вот понадобится назвать улицу в честь, скажем, умершего президента или что-то в таком духе, а она уже и готова – смени только цифры на имя.

Вот по ней-то мне и удалось проскочить почти до самого аэропорта. Но на самом повороте на дорогу к терминалу, которая длинным овалом огибала просторную автостоянку, стояли два военных «хамви» и две полицейские машины. Всех подъезжающих останавливали и проверяли у них наличие билетов. Судя по всему, морская пехота решила обезопасить свою базу от празднующихся граждан.

Одетые в «цифровой» камуфляж морские пехотинцы с винтовками и в шлемах, как на картинках про Ирак, страховали нескольких полицейских в черной форме, проверявших билеты. Точнее, не билеты, а вот эти самые распечатки о наличии таковых, которые каждый нуждающийся легко может подделать на любом принтере. Не столь важно, зачем это ему понадобится. Может быть, он встречать кого-то едет?

К моему удивлению, народу в аэропорт, по местным меркам, ехало немало: у поворота выстроился длинный хвост машин. Я пристроился к этому хвосту последним и встал, опустив ноги на горячий асфальт. Огляделся, заметил еще один кордон, гораздо солиднее этого, расположившийся дальше по улице. Военных там не было, но, помимо обычных патрульных машин, стояли фургоны с буквами SWAT¹⁷ на черных бортах, а между машинами, за переносными рогатками с мигалками, стояли порядка двух десятков человек в черной «тактической» униформе, с автоматическим оружием в руках – преимущественно с пистолетами-пулеметами MP5. Все стояли спиной к нам, словно ожидая атаки с противоположной стороны. Кстати, именно в той стороне и расположен местный госпиталь. Совсем неподалеку. Не оттуда ли ждуг? Госпиталь этот уже со вчерашнего дня мне опасения внушает, и не мне одному, похоже.

Зато гораздо ближе к этому кордону, как раз у поворота на Четвертую улицу, расположился оружейный магазин Спрэга. Жаль, отсюда его не видно. Интересно узнать, есть возле него суета или уже все раскупили подчистую? Ну почему я не стал получать «грин-карту»? Хотя предложение Паблито на настоящий момент меня тоже устраивает. С легальным пистолетом в аэропорт меня все равно не пустили бы.

Очередь машин двигалась достаточно проворно. Уже через минуту я оказался в ее середине, а еще через пару минут сунул полицейскому с подковообразными усами свою распечатку рейса, достав ее из непромокаемого кармана мотоциклетной куртки, взамен чего удостоился разрешающего взмаха руки. И проехал наконец на желанную автостоянку перед терминалом.

Международный аэропорт Юмы вовсе не напоминал своих собратьев из больших городов – огромных, стеклянных, шумных, с непрерывными объявлениями по радио и автобусами-шаттлами между терминалами. Тут все было намного проще. Как говорил великий комбинатор Остап Бендер: «Нет, это не Рио-де-Жанейро. Это гораздо хуже!»

Длинное, построенное по американскому обыкновению не пойми из чего на каркасе, неказистое здание привычно песочного в этих краях цвета, с газонами, представлявшими собой декоративные композиции из кактусов на красной земле. На стоянке перед ним, сейчас почти свободной, выстроились преимущественно пикапы и внедорожники, мой мотоцикл смотрелся здесь как собака среди слонов.

На крыше аэропорта я заметил нескольких «маринз» с винтовками. Это обнадеживает: хоть кто-то начал осознавать опасность.

Сняв шлем, я просто повесил его на руль и вздохнул. А что еще остается? Куда его девать? А вот куртку так на себе и оставляю – жалко выбрасывать, да и пригодиться может. Все же

¹⁷ SWAT (Special Weapon And Tactic – «специальное оружие и тактика») – американский аналог российского СОБР.

неслабая защита в нее вшита, да и сам нейлон прокусить не каждая собака бы сумела. Это же от «асфальтовой болезни» защита, не хухры-мухры. Да и перчатки не хуже штурмовых: внешняя сторона ладони и костяшки пластиком прикрыты. Такое выбрасывать жалко. Перчатки сунул в карманы куртки, а ее снял и перебросил через ремни рюкзака.

Я почти бегом дочесал до входа в терминал, хоть времени до посадки оставалось еще очень много. Огляделся: в зале было пустовато, скорее всего отсутствовали провожающие и встречающие. Здесь были или те, кто собрался улететь, или те, кто здесь работает.

Сначала я направился к стоящему в углу банкомату, или, как их здесь называют, АТМ. Все, надо снимать деньги, пока получается. Если бардак нарастает, то мне сложно предсказать будущее кредитных карт. А как свет отключится? Что тогда делать будем?

Лимит в этом банкомате оказался в пятьсот долларов наличными за одну транзакцию. Пришлось шесть раз заталкивать карту Внешторгбанка в мигающую зеленым прорезь и принимать тонкие пачки купюр. А затем мне сообщили, что на моем счету недостаточно средств для того, чтобы их снимать. Надо бы горевать, но я обрадовался – значит, в Москве догадались оголеть счет, сообразили, что лучше иметь деньги в простом бумажном виде. «Выдоить» удалось всего сто двадцать сверх того, что снял до этого, после чего я распрощался с денежной машиной.

Оглядевшись, я обнаружил висящие в ряд три телемонитора, на которых высвечивалось расписание полетов. Обнаружил, что регистрация на мой рейс уже началась, но она всегда задолго начинается. Главный вопрос совсем в другом – прилетел ли сам самолет?

У стойки регистрации передо мной стоял всего один человек с двумя чемоданами на тележке. Он сгрузил их на ленту транспортера, после чего ему выдали посадочный. Затем и я шагнул вперед. Регистрировала меня очень молодая женщина заметно мексиканской внешности, напоминающая Дженнифер Лопес, хоть и в несколько ухудшенном варианте. Впрочем, Дженнифер Лопес я тоже великой красавицей не считаю, если уж быть честным, и ее объемистая задница не заставляет меня подвывать на нее, как на луну.

– У вас только ручная кладь? – прервала мои размышления о заднице Джей Ло девушка за стойкой.

– Да, только ручная, – кивнул я.

По правилам надо было бы опустить мой рюкзак в специальное мерное гнездо, чтобы убедиться в допустимости его габаритов, но этим правилом, как обычно, пренебрегали. Она лишь протянула мне бирку с логотипом авиакомпании «Дельта», которую я нацепил на плечевой ремень.

– Вы предпочитаете у окна или возле прохода? – опять спросила девушка, молотя пальцами по клавиатуре со скоростью пулемета.

– У окна, – ответил я, продолжая оглядываться и выискивая какие-нибудь признаки надвигающихся проблем.

Однако в здании терминала было спокойно, никто не суетился. Работал кафетерий, возле которого за высокими столиками стояли несколько человек. Работал и киоск с газетами и книгами, но нервничать я все же не прекращал – успокоиться не получалось.

– Скажите, а те рейсы, что уже были сегодня, вылетели по расписанию? – спросил я.

– Два рейса отменили, – ответила девушка, продолжая щелкать клавишами. – Самолеты не прибыли из других городов. А остальные вылетели по расписанию. Беспокойтесь?

С последним вопросом она подняла на меня черные глаза и откинула назад прядь прямых и блестящих черных волос. Нет, все же хорошенькая.

– Вы видели, сколько мне еще лететь? Еще две пересадки, а потом через половину мира. Опасаюсь немного.

– По поводу вашего рейса ничего специального не сообщали, – покачала она головой. – Похоже, что все будет по расписанию. Главное, что сам самолет здесь.

– Спасибо.

– Ваш посадочный.

Она выложила на стойку прямоугольник плотной бумаги.

– Ваше место у окна, в четырнадцатом ряду, выход на посадку номер два, посадка начнется за сорок минут до вылета. Счастливого полета.

Все это сопровождалось дежурной белозубой улыбкой – выразительной, но не искренней.

– Спасибо, – сказал я, тоже улыбнувшись, и прошел за стойку.

Ладно, регистрация регистрацией, но расслабляться рано. Точнее, даже вообще нельзя расслабляться, вовсе. Эта самая регистрация не значит ровным счетом ни-че-го. Вообще. Успокоюсь тогда, когда самолет не только оторвется от взлетной полосы, но и наберет высоту, причем не этот самолет, а тот, другой, который будет после пересадки в Атланте. А окончательно успокоюсь дома, с женой, детьми и котами, за крепко запертой дверью.

На контроле безопасности у меня чуть ли не каждый шов на одежде прощупали, хотя, если честно, я не думаю, что сегодня следует опасаться террористов. Скорее каждый хочет долететь до места без приключений – хуже нет, чем застрять в чужом городе, а то и в чужой стране в период глобальной катастрофы. А меня вот угораздило, провались оно совсем.

Огляделся. Пиво. Хочу пива. Мне надо расслабиться, а то я опять начинаю заводить сам себя. Это от беспомощности – ни черта от меня теперь не зависит. Всю жизнь зависело, всегда пытался делать что-то сам, а вот теперь вынужден ждать божьей милости. И милости этой надо сразу очень много, да чтобы еще выдавали порциями, прикидывая на количество пересадок и продолжительность полета. Ох, е-мое, провались оно...

Позвонить? И что сказать? Для Маши фраза «прошел регистрацию» подразумевает, что я уже вылетел, а на самом деле я понятия не имею, летит кто-нибудь и куда-нибудь? Не было же сегодня двух рейсов, верно? И где гарантия, что наш рейс состоится?

За стеклянной стеной, выходящей на аэродром, раздавался рев моторов. От полосы оторвался пузатый военный транспортник и начал медленно набирать высоту. А не перебросят случайно местных «маринз» куда-нибудь в места поважнее? Хотя... кого отсюда перебрасывать? Летчиков? А что английские «харриеры», которыми вооружен корпус, против американских зомби? Или гобблеров, как их успели здесь прозвать? Проглотов, по-нашему. А ничего. А «маринз», которые именно пехотинцы, то есть предназначены для стрельбы из своих винтовок во врага, здесь и роты не наберется, насколько я слышал. Охрана аэродрома. Кстати, а что делает морская пехота посреди пустыни, в сотнях километров от ближайшего моря? Или они уже пустынная пехота?

Кстати, о пиве. В зале ожидания работало нечто вроде кафе самообслуживания. Я подобрал с полки красный пластиковый поднос и с ним в руках лениво пошел вдоль холодильников с едой. Но аппетита не было и есть не хотелось даже для того, чтобы скоротать время. Передо мной шел высокий худой негр лет сорока, в очках в массивной пластиковой оправе и с маленькой кудрявой бородкой с пробивающейся в ней сединой. Внешне он напоминал мне какого-то киношного проповедника, но я не мог вспомнить, из какого фильма. Я обратил внимание на его запястье, обмотанное бинтом, поверх которого была натянута эластичная сетка. С изнанки бинт был слегка запачкан кровью, так что рана должна быть немалой.

Негр довольно неуверенно действовал левой рукой, заметно морщился от боли и поэтому, когда ставил себе на поднос пластиковую тарелку с большим ломтем пиццы «пепперони», чуть не столкнул стеклянную бутылку апельсинового сока, которую я успел подхватить. Он повернулся ко мне, широко улыбнулся, сказал:

– Спасибо. А то с моей неловкостью я здесь все разобью.

– Что-то случилось? – дружелюбно спросил я, кивнув на его повязку, при этом внутренне становясь все менее дружелюбным.

Не нравилась мне эта повязка в такой вот период развития истории человечества, что как раз сейчас и протекал. Мало ли что у него там, под повязкой?

– Собака укусила, – вновь улыбнулся негр-«проповедник». – Меня никогда не кусали собаки. От меня даже бродячие собаки никогда не убегали. А тут укусила.

– Ваша собака?

– Нет, – покачал он головой. – Какая-то девочка шла по улице со своей умершей собачкой на руках и плакала. Я хотел ее успокоить, но собака вдруг очнулась и укусила сначала меня, а потом несколько раз девочку. А затем убежала.

– А что с девочкой?

Я открыл бутылку холодного пива, поставил ее на поднос и накрыл прозрачным пластиковым стаканом.

– Девочку увезла «скорая», пришлось вызвать. Мне они быстро наложили швы и сделали перевязку, потому что я тороплюсь, а девочку забрали. У нее были множественные укусы, собака успела несколько раз вцепиться ей в руки и лицо.

Мы вместе подошли к кассе, за которой сидела настолько дородная тетка с усами, что ее бока вываливались из кабинки, а голые волосатые руки напоминали свиные окорока. Она быстро обсчитала содержимое наших подносов, а затем мы присели за один из длинных столов в полупустом зале.

– Вы не из Юмы? – спросил я.

– Нет, я из Атланты, – опять улыбнулся негр. – Мне еще долго добираться. А вы куда летите?

– Еще дальше. В Москву. Но через Атланту.

– Да, вам не позавидуешь, – покачал он головой. – Вокруг такое творится, что я не уверен, что даже к себе в Джорджию сумею попасть.

В его речи был замечен акцент уроженца американского Юга. Точнее, даже негритянский южный акцент. Что это такое, объяснить сложно – надо раз услышать.

– На регистрации сказали, что рейс ожидается по расписанию.

Я говорил с ним, а сам лихорадочно пытался сообразить – что означает его рассказ? То, что происходит с людьми, может произойти и с животными? А если такая зомби-собака, собака-гобблер, собака-проглот, или как там их именуют, укусит человека, что с ним будет? Сидящий передо мной здоровым не выглядит, если честно. Я вообще не знаю, как он выглядит обычно, может быть, у него почки пять лет как отказали и порок сердца врожденный, но не нравится мне его испарина на лбу, которую он поминутно промакивает белым носовым платком, не нравятся слегка дрожащие руки и неуверенные движения. Уж не собирается ли он... того?..

Негр продолжал что-то рассказывать, скупно жестикулируя, я даже почти впадал говорил «да» или «нет», а самого упорно гвоздила одна мысль: что я буду делать, если он превратится в этого самого проглота в самолете? Рейс-то у нас один и тот же, до самой Атланты. Обречены друг другу, можно сказать, скованы одной цепью в виде билетов.

И что делать? Бросить все и бежать? Заманить его в туалет, пообещав пакетик леденцов, и прокатить на шарабане, и там задушить, спрятав тело в кабинке? Нажаловаться на него в полицию и попросить, чтобы они его немедленно застрелили, причем так, чтобы я видел? Чтобы мне потом не волноваться. А если собачий укус на человека не действует? Тогда почему у него вид такой квелый? Кстати, я так и не понял, как негры бледнеют, но цвет кожи у него и вправду какой-то странный, почти серый.

А если он все же превратится, как я с ним буду справляться? А что будет, если он сам кусаться начнет? И это в самолете, где теснота и сидят чуть ли не на коленях друг у друга? Твою бога душу мать... сообрази тут.

Затем он извинился и ушел в туалет, а я задумался вообще глубже некуда. На одну мысль он меня натолкнул. А сколько вообще может быть вокруг людей, укушенных даже людьми,

но не обратившихся к ближайшему полицейскому на предмет, чтобы ему стрельнули в голову? И которых не увезла «скорая». Сказали же мне, что чем сильнее покусан, тем быстрее умирает и быстрее возвращается. А сколько гуляет с такими ранами, которые, по большому счету, и внимания-то не заслуживают при иных обстоятельствах? Куснули человека, но он глянул и счел, что это ерунда. Прополоскал марганцовкой снаружи, спиртом изнутри, пластырь наклеил да гулять пошел. И что будет?

Народу в зале ожидания все прибывало, становилось шумно. До посадки оставалось уже совсем немного, когда возле двери в мужской туалет началась непонятная суета. Пробежал кто-то в униформе безопасности аэропорта, затем менеджер в белой рубашке. Тем временем объявили посадку на самолет, и люди постепенно потянулись к стойке, за которой оказалась та самая девушка-мексиканка, которая выдавала посадочные. Теперь она их, наоборот, собирала, по одному заталкивая в большую жужжащую машину, которая вместо больших прямоугольников бумаги выдавала маленькие квадратики.

Я вновь оглянулся на туалет и суету возле него. Не нравится мне это все, ох, как не нравится. Увидел двоих в униформе парамедиков, напоминающей полицейскую, но с белыми рубашками и синими брюками. Они бегом неслись через зал, толкая перед собой каталку, один из них нес медицинский саквояж. Голову на отсечение, что это мой черный приятель там или уже умер, или собирается это сделать. И что будет? И что мне делать? Поднимать тревогу? А чем это закончится для меня и моего рейса? А чем закончится, если не подниму? А не вернут ли наш самолет обратно сразу после взлета? А не начнут ли всех подряд проверять? А не загонят ли в карантин? Черт, сколько этих самых «если»...

В полной растерянности, не зная, что предпринять, я понемногу отставал от быстро продвигающейся очереди, пока не оказался последним возле стойки регистрации. Остальные прошли дальше, к посадке на автобус, который должен всех доставить к трапу, я же задержался, вызывая скрытое раздражение девушки за стойкой.

– Посадка уже заканчивается, – с неестественно вежливой улыбкой напомнила она мне, явно мечтая как можно скорее от меня избавиться.

– Да, да, прохожу... – пробормотал я, протягивая ей свой посадочный купон.

Она выхватила его у меня из рук, скормила жужжащей машине, вручив взамен маленький кусочек от него же.

– Выход на посадку прямо перед вами, – продолжала она через силу улыбаться.

Я остался нерешительно топтаться на месте, глядя в сторону суеты в зале. Носилки выкачали из мужского туалета. Уже знакомая картина – один из парамедиков придерживает капельницу на стойке, второй толкает каталку. И так они бодро пересекают большой зал.

– Ваш знакомый? – неожиданно заинтересовалась девушка.

– Нет, ваш пассажир. Он должен лететь.

Для нее почему-то мое заявление оказалось откровением. Она решила свериться со своим компьютером, чтобы убедиться, что не все зарегистрированные пошли на посадку.

От улицы нас отделяла стеклянная стена, и, когда там раздались отчаянные крики, мы обернулись немедленно. Возле автобуса что-то происходило – драка или что-то другое, отсюда понять было невозможно. Несколько человек бросились наутек прямо по летному полю, гулко загрели по металлическому полу шаги в коридоре, ведущему к автобусу, – не понимая, что происходит, люди побежали обратно.

Сидевшие в зале ожидания вскочили, некоторые бросились к окнам. И в этот момент чей-то отчаянный крик раздался прямо в зале. Такой дикий и пронзительный, что я подпрыгнул на месте, а девушка за стойкой взвизгнула и выронила папку с какими-то бумагами, которые рассыпались и бесшумно заскользили по отполированному гранитному полу.

Носилки-каталка с грохотом завалились на бок, а интеллигентный негр в очках, с которым мы недавно так мило беседовали, грыз зубами шею санитары с капельницей, вцепившись

руками ему в одежду. Второй санитар пытался его оттащить от своего товарища, но явно опаздывал, потому что у того уже дергались ноги, а кровь забрызгала все вокруг – негру удалось сразу же разорвать артерию.

Сильный удар в спину опрокинул меня на пол, а мимо промчался какой-то тонко верещаций толстяк в красных брюках в обтяжку и с крашеными «перьями» волосами. Засмотревшись на происходящее в зале, я пропустил тот момент, как он выбежал из посадочного тоннеля. За ним с криками бежали люди. Кто-то толкнул девушку, и она упала на четвереньки, кто-то споткнулся об нее и с хрустом наступил ей на ладонь так, что она закричала.

«Затопчут девку, козлы!» – подумал я, бесцеремонно схватил ее за шиворот и потащил в сторону, из-под ног бегущей в панике толпы.

Она, не понимая вообще ничего, кроме того что ее воротник пережал ей горло и ее куда-то волокут, дергалась и вырывалась, пока я не заорал на нее: «Заткнись!» Тогда она просто испугалась и уставилась на меня ничего не понимающими темными глазами.

– Паника! Затопчут! – крикнул я, и у нее на лице мелькнуло что-то вроде ответной реакции.

Кричали уже везде и все. По прежнему кричали на улице, кричали в зале, и даже через мельтешащие ноги мне была видна огромная ярко-красная лужа на каменном полированном полу, которую быстро разносили ногами в стороны. А затем с улицы, кажется, с крыши терминала, протрещала короткая автоматная очередь. И это оказалось последней каплей – все бросились к выходу, обратно в город. Вне зоны паники оказалось всего два человека – девчонка, которую сбили с ног, и я сам, не впавший в панику лишь потому, что ожидал если и не этого, то чего-то очень похожего. Или еще худшего, хотя куда уж хуже.

Я суетливо огляделся, прикидывая, что предпринять. Ломиться на выход? Там такая толчея, что могут ребра поломать, и к тому же залитый с головы до ног кровью негр в очках, покачиваясь, шел к не обращающей на него внимания толпе. Хотя...

– Давай за мной! – крикнул я девушке.

– Что? – переспросила она.

В себя она еще явно не пришла. Я попытался схватить ее за руку, но она вырвала ее и закричала, но уже не от испуга, а от боли.

– Что?

– Не знаю. – Она чуть не плакала. – Кажется, пальцы сломали.

Действительно, два пальца на руке, которую она протянула мне, торчали под странным углом, смуглая кожа на ладони была содрана до крови.

– Главное, что не покусали, – заявил я резонно, старясь выглядеть спокойным, хоть это плохо получалось. – В общем, держись за мной и не отставай. Понятно?

– Понятно.

Ладно, хоть это хорошо. Главное – без паники. Зал большой, места много, зомби всего один. Нет, не один, а два... три... четыре...

Сразу трое мертвяков вышли из коридора, ведущего к автобусу. Двое из них были в униформе аэродромного персонала, все перемазаны кровью. С ними шла толстая женщина в шортах, обтягивающих жирные бледные колени с прожилками фиолетовых вен. Крашенные в соломенный цвет волосы торчали ключьями над жутким бледным лицом с тремя подбородками и с измазанным свежей кровью ртом. Увидев нас, они остановились, как по команде, а затем направились в нашу сторону.

Опа... а я хотел с той стороны прорываться, через стоянку легких частных самолетов. Не выйдет... дьявол, безопасность полетов, пропади она пропадом! Никакого оружия и ничего на оружие похожего: палки в этом зале не найдешь. Вообще ничего, даже тарелки со стаканами и те из тонкого, как бумага, пластика. Как в психушке для буйных, мать его!

– Бежим! – крикнул я и побежал вдоль стеклянной стены, выходящей на поле. Девушка бежала следом, прижимая раненую руку к груди, пачкая кровью белую блузку, но не отставая. Хорошо, что здесь на высоких каблуках ходить не принято: на ногах у нее легкие туфли на мягкой подошве, а то бы за собой тащить пришлось.

Мертвяки направились следом за нами, но неспешным шагом, так что разорвать дистанцию у нас получилось. Я посмотрел на беснующуюся толпу, прорывающуюся обратно через узкий лабиринт из ударостойкого стекла, сконструированный специально так, чтобы пропускать как можно меньше людей одновременно.

Крик стоял такой, что не слышно было собственного голоса. Стелянные стены гудели под ударами, люди наваливались на спины впереди стоящих изо всех сил, создавая лишь большую пробку в проходе, пытались лезть через верх. Метавшийся возле толпы охранник аэропорта был вооружен только дубинкой и «тазером» – электрошоковым пистолетом. В зону безопасности с оружием не пускали никого – значит, и пользы от него будет не больше, чем от меня.

Негр, уже без очков, доковылял до ближайших к нему людей, пытающихся друг по другу выбраться из зала, вцепился руками в волосы толстяку в красных брюках, оттягивая ему голову назад, и впился зубами в лицо. Брызнула кровь, тот заорал так, что перекрыл весь многоголосый вой паникующей толпы. Ближайшие к нему люди шарахнулись в сторону, словно их окатили кипятком из пожарного шланга.

Санитар, которому мой недавний собеседник и любитель собак разорвал горло, так и лежал в большой луже крови, растоптанной по всему залу подошвами. Рядом с ним лежала перевернутая каталка и раскрытый саквояж, из которого высыпались какие-то медицинские приблуды.

Я вновь бросил взгляд на наших преследователей – они так и продолжали идти за нами, не ускоряясь, но и не отворачивая в сторону. Долго так не пробегаем – зажмут в углу. А следом за ними из коридора выходили еще мертвые: уже не меньше десятка. Откуда их столько набралось? Что там случилось?

– Есть еще выход из этой зоны, кроме ворот? – спросил я девушку.

– К стойкам регистрации – нет, все проходят проверку, – испуганно сказала она.

– В одних воротах?

– Нет, есть еще одни, служебные.

– Где выход из них?

Она показала рукой прямо туда, откуда шли мертвяки. Действительно в углу зала виднелась невзрачная дверь с табличкой. Но тогда придется прорываться через мертвяков. И если не будем достаточно проворны...

– Как она открывается?

Я разглядел возле двери электронный блок с кнопками. Если у нее нет ключа или кода...

Девушка молча приподняла на красной тесемке висящий у нее на шее ключ-карту с фотографией.

– Хорошо, – обрадовался я несказанно. – Сейчас мы прорвемся туда. Ты откроешь дверь картой – я прикрываю тебя. Но внутрь сразу не забегаешь, говоришь мне, что все готово. Есть вопросы?

– А мы сумеем?

Вид испуганный, руки трясутся, но не паникует. Это хорошо. А то я уже сам... на грани паники. Боюсь я этих мертвяков, если быть откровенным.

– А куда мы, на хрен,¹⁸ денемся? Должны суметь.

Тут я сказал чистую правду. А куда нам еще деваться?

¹⁸ Все ругательства в романе даны не в буквальном, а в эквивалентном переводе.

– Всё, за мной! Держись прямо за моей спиной! – скомандовал я и побежал к перевернутой каталке.

Теперь вся надежда на нее. Без прикрытия мы точно не прорвемся, а вот она, эта самая медицинская каталка, даст нам маленький шанс. Мы завернули за ряды диванчиков для ожидания, обежали колонну с телевизорами, на которых светились строчки расписания вылетов, пересекли свободную середину зала. Сквозь крики и стоны лезущих друг у друга по головам людей прорвался резкий треск очередей – это опять кто-то стрелял на улице, наверное, «маринз» с крыши. В кого... можно предполагать, хоть можно при этом и ошибиться.

Когда мы были уже рядом с каталкой, убитый санитар зашевелился и рывком сел, ворочая головой и оглядывая новый для него мир мутными мертвыми глазами. Интересно, что он видит теперь, с той стороны? Идиотская мысль, и почему пришла в такой момент?

Увидев поднимающегося мертвеца, бегущая за мной девушка завизжала. Все произошло так неожиданно, что я даже остановиться не успел. К тому же подошвы заскользили по размазанной на полированном граните свежей крови, от которой в воздухе висел тяжелый металлический запах. Если бы попытался остановиться, то свалился прямо на этого новоявленного зомби. И я сделал то, что мог единственно совершить в этой ситуации, – с ходу, изо всех сил, что было дури пнул его подъемом ступни под подбородок. Удар вышел не хуже, чем у футбольного вратаря, выбивающего мяч на половину поля противника. Я сам взвыл от боли в сухожилиях, но при этом услышал явственный треск сломавшегося позвоночника. Мертвяка даже подбросило немного, опрокинув назад.

Не знаю, может ли такое его убить, сомневаюсь. Поэтому времени терять я не стал, а схватившись за измазанный в крови край каталки, рывком поставил ее на колеса, направив в сторону желанной двери.

– Держись за мной! – снова заорал я и, налегая изо всех сил, начал разгонять каталку перед собой.

Жаль, что недостаточно тяжелая... Хотелось бы куда тяжелее – чтобы как каток! Чтобы плющила всех, кто попадетсЯ.

Первой на пути попалась уже давно, судя по виду, умершая женщина в консервативном сером костюме в тонкую полоску. Каталка, разогнавшись до такой скорости, что я едва за ней успевал, просто отшибла ее в сторону с такой силой, что та заскользила на спине, отлетев под ближайšie ряды диванчиков. От нее остался в воздухе стойкий запах мертвечины, от которого меня прямо на бегу чуть не стошнило, едва успел сдержать рвотный позыв.

Следующим был омерзительного вида мертвяк в черных шортах и белой рубашке, с почти начисто объеденным лицом. Одна нога у него тоже сохранилась не полностью, и поврежденный сустав неустойчиво подгибался. Я успел это заметить и чуть изменить направление движения своего громоздкого оружия.

Удар получился по касательной, нога подогнулась, как я и рассчитывал, и зомби упал лицом на каменный пол, попытавшись, впрочем, схватить бледной грязной рукой за щиколотку бегущую следом девушку. Та заорала в ужасе, перепрыгнула через руку, но не отстала и не свернула. А я несеЯ впереди как локомотив.

Серьезно помешать мне могли двое, как раз крутившиеся возле служебной двери. Невысокий мексиканец, убитый совсем недавно – даже кровь не запеклась на разорванной шее, – одетый в комбинезон компании по ремонту кондиционеров, и молодой пухлый мужик, на которого напали сзади и успели объесть с него весь затылок, часть плеча, а заодно и стащить набок скальп с окровавленного черепа.

В мексиканца моя каталка врезалась с ходу. Получилось неплохо, даже руки на рукоятках «высушило» вибрацией. Он отлетел, ударился о стену и свалился. А вот второй, с перекошенным скальпом, успел вцепиться в каталку руками, и, когда я потянул ее на себя, он пошел следом. Так мы не договаривались!

– Открывай! – закричал я девушке.

Та суетилась возле замка, зажав карточку в дрожащей руке и с перепугу не попадая ею в щель считывателя.

– Не суетись, спокойно! Я их к тебе не подпущу! – прокричал я, сам перескочил через каталку и изо всех сил толкнул ногой мертвяка, не ожидавшего такого маневра.

Ботинок просто утонул в жирном животе, нормального человека от такого удара пополам бы сложило, а этот лишь сделал несколько шагов назад, даже не собираясь падать и не изменив выражения мертвого лица. Тем временем к нам направились все остальные мертвяки, ошивавшиеся в этом конце зала. Лишь трое первых, жирная тетка и монтеры, целеустремленно направились к паникующей и застрывшей в проходе толпе.

Оттолкнув мертвяка, я вновь завладел каталкой и опять ухватился за рукоятки. И когда зомби снова пошел в нашу сторону, я с маху толкнул его этой вертлявой каркасной конструкцией. На этот раз он упал навзничь, но поднялся мексиканец-кондиционерщик, а слева подходили разложившаяся женщина в сером костюме и сильно хромающий тип в черной форме непонятого назначения.

Я резко развернул носилки, ударил ими разложившуюся, которая снова не успела среагировать и свалилась, от нее осталось пятно какой-то слизи на белом пластиковом покрытии каталки. Затем описал носилками полукруг, так что резиновая обивка их колес запищала по гранитному полу, и вновь сбил с ног мексиканца.

– Ну же? – уже не выдержав, заорал я девчонке.

Да сколько можно возить карточкой по щели и набирать четыре цифры кода? Нас же сейчас здесь в клочки порвут, а еще через пять минут мы сами будем тут за всеми гоняться. Да быстрее же, овца!

Электронный замок победно пиликнул, шелкнула задвижка, причем этот звук раздался у меня в сознании так громко, словно сам Господь Всеблаготворитель щелкнул чем-то там на небесах персонально для меня.

– Готово!

Правой рукой я оттолкнул от себя каталку в направлении противников, выигрывая лишнюю пару секунд, левой схватил за недавно еще белый воротник блузки девицу, бросившуюся было в дверь «поперек батьки», и сам заскочил туда первым, таща упирающуюся спутницу за собой. Но даже в таком унижительном положении она все же блеснула – успела захлопнуть дверь, обезопасив нас от нападения с тыла.

– Стоять! – раздался чей-то истеричный голос.

Я обернулся налево. За столом, расположившимся за детекторной рамкой, стоял охранник совершенно детского вида, больше пятнадцати и не дашь, и целился в нас из пистолета. Впрочем, детским у него было только лицо – круглое, с маленьким ртом, маленькими же близко посаженными глазками и оттопыренными круглыми ушами, делавшими его похожим на шарж. А вот все остальное было большим и хорошо раскормленным. Эдакий поросенок-переросток. Зато этот поросенок достаточно сноровисто держал в руках пистолет, который был направлен на нас. Круглое лицо под черной бейсбольной кепкой было потным, язык часто облизывал губы, в глазах буквально полыхал пожар паники. Такой ведь и пальнуть может.

Поросенок и я одновременно вздрогнули, когда что-то тяжелое врезалось в дверь, в которую мы только что забежали.

– Тим! Прекрати дурака валять! – вдруг решительно направились к поросенку девчонка. – Не узнал?

Тот опять вздрогнул, лицо его попыталось выразить какую-то мысль, но не выразило, и он, наведя пистолет уже на нее, резво отскочил в сторону, оказавшись вполне в зоне досягаемости. Идиот, он же даже в нее способен сейчас выстрелить! Но через секунду его пистолет повернулся ему в грудь, еще через одну он переселился ко мне в руку, а сам поросенок с грохотом

рухнул спиной на свой стол, сдвинув его и заставив скрежетать стальными ножками по каменному полу. А затем я направил пистолет ему в нос – круглую розовую картофелину на белом конопатом лице – и спросил:

– Будешь вести себя хорошо?

Никогда не учите все боевые искусства на свете, если для вас это, конечно, не смысл жизни. Отработайте с десятков достаточно разнообразных приемов, но отработайте так, чтобы ваше тело исполняло их без всякого участия мозгов. Что я и сделал в свое время, а потом понемногу продолжал поддерживать «телесное знание», а в результате вышло так, что вот эта самая «беретта» направлена в нос ее бывшему обладателю.

– Будешь вести себя хорошо? – повторил я и слегка пнул в пухлый бок обалдевшего охранника, исключительно чтобы разговор завязать.

– Буду, – часто закивал тот.

Девушка-мексиканка, к ее чести будь сказано, панику не поднимала и отбивать охранника не бросалась. У нее и мексиканский акцент еще заметен, так что американская законопослушность не должна было до конца укорениться.

– Ты почему тут прячешься? – сдерживая злобу, спросил я его. – Там же паника, надо людей выпускать, у тебя здесь выход запасной, а ты закрылся, свинья резиновая. Ты же охрана!

Я еще раз его пнул, уже сильнее, но тот ничего не ответил – лишь начал часто мотать головой, то ли отрицая все на свете, то ли полагая, что я начну его сейчас убивать, и заранее против этого протестуя.

– Где еще оружие? – проникновенно спросил я его, приблизив зрачок дула прямо к его переносице, давая возможность рассмотреть внутренность ствола и представить, как оттуда вылетит пуля и вынесет его мозги через развалившийся затылок фонтаном бурого дерьма.

Я уже хорошо изучил здешние службы безопасности. Если у них есть караулка, то пистолетами на поясе они никогда не ограничиваются – обязательно что-то еще есть в резерве. Тем более что часть их людей в зоне безопасности вынуждена ходить без оружия. А значит, их оружие где-то хранится, причем где-то здесь.

– Там... – снова облизав сильно потеющую верхнюю губу, указал он на шкаф у дальней стены.

Мог бы и сам заметить: это же не сейф. В стеклянном шкафу стволами вверх стояли два помповых ружья с пистолетными рукоятками и телескопическими прикладами, на каждом из которых висело по дополнительному патронташу на пять патронов. Я увидел на ресивере клеймо «Моссберг» – это уже неплохо. У меня и в Москве «моссберг» имеется, только этот с виду покруче, совсем тактический. Я достал один из дробовиков, проверил наличие патронов в магазине – полон. Очень мило с их стороны. Проверил второй дробовик – такой же эффект.

– Встать на колени, пятки скрестить, руки за голову, – скомандовал я «поросе».

Тот не стал медлить с выполнением команды, и через несколько секунд я стал обладателем его нейлонового тактического пояса – с четырьмя запасными магазинами к пистолету, рацией в чехле и наручниками. Вот это очень по-американски – носить сразу несколько запасных магазинов. Джефф, что склады охраняет, носит с собой целых шесть, он мне сам показывал. Очень, очень хорошая привычка.

Наручники пригодились сразу: я приковал ими пленного к тяжелому письменному столу, пропустив его руки под стальной нижней перекладной. Удачно получилось – из-под стола торчала только откормленная задница в серых форменных брюках. Так и сиди.

– Ты стрелять умеешь? – спросил я у девчонки, разглядывающей поврежденную руку.

– Немного. Брат научил, – кивнула она.

Ей было явно больно, пальцы посинели и распухли, но она держалась, лишь покусывала губы. И как она стрелять будет? С другой стороны, даже со сломанными пальцами лучше быть человеком вооруженным, нежели безоружным.

– Держи, – сказал я, протягивая ей второй дробовик и загоняя патрон в патронник. – Жди меня здесь, наведи ствол в дверь. Никому не открывай до тех пор, пока не убедишься, что это я. Понятно?

– Как убеждаться?

– А я вот так постучу в дверь...

Я выстукал костяшками пальцев на поверхности стола бессмертный ритм «Спартак – чемпион!».

– Запомнила? Если придет кто-то живой и при власти – сдавай оружие, если не придет – храни его как свою бессмертную душу. Понятно?

Она молча кивнула. А я наконец снял со спины рюкзак, а с рюкзака мотоциклетную куртку, быстро натянув ее на себя. Выловил из карманов перчатки, прикрыл руки. Нормально – они с эластичными вставками, сидят как хирургические. Рюкзак просто бросил на стол, не отказав себе в удовольствии слегка пнуть в зад охранника под ним. А затем направился к двери, прижав приклад к плечу и наведя дробовик на дверь. К счастью моему, двери открывались большой поперечной перекладиной – стоило лишь толкнуть ее от себя, – такое на случай пожара делается. В общем, я просто толкнул перекладину ногой.

Перед проемом никого не было, каталка, перевернутая набок, валялась метрах в десяти. Я быстро выглянул налево, прикрываясь самой дверью – до ближайшего мертвяка, идущего от меня, метров десять, и в мою сторону он не смотрит. Я быстро выскочил в зал, рывком захлопнул за собой дверь, обернулся. Мексиканец в комбинезоне стоял у стены и смотрел на меня. Похоже, он не понял, откуда я взялся, – до того меня закрывала распахнутая дверь, а додумать я ему не дал. «Моссберг» лягнулся, эхо со звоном метнулось по залу, мозги мертвяка разлетелись по всей белой стене, а тело мешком завалилось в сторону. Вот так... прямо как на стрельбище, на занятиях по «практическому дробовику». Хорошо, что я не ленился...

Я оглянулся назад, перезаряжая и не опуская оружия. Ни один из уходящих мертвяков не обратил никакого внимания на выстрел. Зато с обратной стороны еще один оставался – непонятный мужик в гавайской рубашке, бледный, почти не поврежденный, скорее похожий на наркомана, чем на мертвяка. Он решительно и довольно быстро шел прямо на меня, поэтому застрелить его труда не составило. Все, пусто с этой стороны, главное – выход из зала.

А люди все же в основном выбрались. На полу в лужах крови лежало несколько тел, но вся толпа, ломившаяся до этого на выход, сумела вырваться через узкий проход. Я добил три патрона в магазин из патронташа в прикладе и решительно пошел следом за мертвяками. Правда, с каждым шагом по мере приближения к воротам моя решительность начинала испаряться. Мертвяки жрали. Согнувшись над лежащими на полу трупами, они, помогая себе руками, зубами рвали куски мяса с мертвых тел. Кровь растекалась во все стороны – казалось, что весь пол был покрыт свежим алым лаком. В ней возились ползающие на четвереньках зомби, и еще несколько спешили в том направлении. Я почувствовал, что содержимое моего желудка вновь метнулось к горлу, но усилием воли сдержался и затолкал все обратно.

Тот охранник, что был в зале, лежал там же. Наверное, в отличие от трусливого коллеги помогал людям до последнего.

Я почти нагнал мертвяка с сорванным скальпом и выстрелил ему в затылок с пары шагов. Его бросило лицом вперед на гранит, как куклу, набитую тряпками. Затем пришли очередь разложившейся женщины в сером костюме. Затем я застрелил толстуху в шортах и с тремя подбородками, которая топталась над трупом, тоже подойдя к ней сзади. Затем негра, который пожалел девочку с мертвой собачкой. Затем – трех лежащих, которые еще не ожили. Последний патрон с дробью я всадил в голову, начисто развалив ее, мужику, на которого первого напал мой недавний собеседник из Атланты – той, что в Джорджии.

Отступив назад, закинул опустевшее ружье на плечо, вытащил из кобуры пистолет. В воздухе висел стойкий запах пороха, перебивший даже запах крови и внутренностей. На меня

не обращали внимания – наверное, у мертвяков, как и у акул, бывает жор. Изобилие пищи приводит к тому, что они ничего не замечают вокруг себя.

Я неторопливо прицелился и застрелил еще одного гобблера – того самого охранника, который начал подниматься, – пуля проломила ему череп над ухом. А затем донеслись выстрелы из дверного проема. Стреляли из винтовки, даже из нескольких винтовок. И я решил, что моя миссия выполнена, потому что у меня были совсем другие планы на оба дробовика и пистолет, наверняка отличные от планов оставшихся в живых охранников. Просто так взять и отдать? А вот черта пухлого!

Я повернулся и побежал. Замолотил условным сигналом в дверь, которая открылась мгновенно. Заскочил внутрь, захлопнул ее за собой, огляделся: на полу лежала одноразовая ручка, которую я поднял и засунул в отверстие блокиратора замка двери. Теперь с той стороны даже с ключ-картой к нам не войдешь.

– Пошли! – скомандовал я девушке.

Она молча встала со стола, на котором сидела, и пошла следом. Я присел у двери, прислушался – из зала регистрации слышались выстрелы, крики, но уже не панические, а больше похожие на команды.

– Куда выходит дверь?

– В большой зал, но она скрыта колонной. Оттуда можно зайти в служебный мужской туалет, – сказала девчонка.

– А там что? – не понял я.

– Окна, – исчерпывающе ответила она. – На стоянку служебных машин.

Она подняла в здоровой руке целую связку ключей и мелодично ими побренчала. Кажется, делиться трофеями с бывшими их владельцами девушка тоже не собирается. Ну и правильно, в общем, ее несколько минут назад чуть не съели в силу ее полной безоружности. Зачем опять все отмаывать к этому состоянию? Лучше уж прибахлиться.

– Давай веди теперь ты, – передал я ей командование.

Она аккуратно приоткрыла дверь, выглянула, затем махнула рукой и быстро перебежала к двери с изображением классических мужского и женского силуэтов. Я тоже выглянул наружу, огляделся. Точно, колонна, а за ней еще и газетный киоск, и «вендинг-машинз» целый ряд – тех, что всякие сникерсы и колу продают.

В зале было несколько десятков людей, но все сосредоточились возле проходов за стойками регистрации – там разыгрывались главные события. Там выпускали людей, там толпились солдаты, там слышались крики, и оттуда время от времени раздавались одиночные выстрелы. Ближе всех были как раз двое охранников аэропорта в серо-черной униформе, но стояли они к нам спиной. Не до нас им было – в эту сторону никто не глядел.

Я тихо зашел в туалет, свернул в дверь с «мужчиной» – и оказался в чистом и белом, как операционная, помещении, залитом ярким светом из двух окон с матовым армированным стеклом.

– Видишь? – указала на окна девушка. – Прямо на стоянку, и там еще кусты. Помоги открыть.

С ружьем в руках и со сломанными пальцами действовать ей было и впрямь сложно. К тому же ручки были высоковатой – даже я с трудом дотянулся. Заскрежетал давно не используемый запор, и окно приоткрылось.

Я вскарабкался коленями на подоконник, выглянул сперва налево, но обнаружил там лишь серую стену какого-то ангара. Высунулся дальше, чуть не вывалившись наружу, и посмотрел направо. Вижу «маринз» и полицию, но далеко. И там же толпа гражданских, крик, визг. И вдоль стены высажены кусты акации, которые нас отлично прикроют. Свалить – никаких проблем.

Я обернулся к девушке, протянул руку. Опершись на нее, она довольно ловко выпрыгнула наружу, а через минуту мы уже сидели меж двух грузовых фургонов «Шеви Экспресс» с логотипами аэропорта на боку. А девушка читала бирки на ключах.

– Ну что? – поторопил я ее.

– Этот! – Она подняла одну из связок и опять потрясла ею в воздухе. Затем показала на фургон слева: – Этот! Ты веди.

Ну, с этим все понятно. Я обежал вокруг и уселся за руль, на высокое, очень мягкое сиденье, завел мотор, глухо зарокотавший. Девушка уселась справа.

– Не надо к главному выезду – езжай на летное поле, – сказала она. – Только держись все время прямо, не залезай на территорию военных, а то они теперь нервные должны быть.

Самообладание возвращалось к ней на глазах. Ничего так, молодец, очень хорошо держится.

– Показывай дорогу, – сказал я, трогаясь с места.

Фургон покатил легко, уверенно, вызывая уважение своими габаритами и массой. Путевая машина. Я глянул в зеркало заднего вида в салон – огромный пустой кузов с обитым рубчатой черной резиной полом, у одной из стен пристроился большой инструментальный ящик – фургон явно ремонтников возил. Хороший, большой фургон, слона перевезти можно, ну и загрузить – двойные двери сзади и двойные же по правому борту. А можно и не слона. Можно и мотоцикл, например, тем более что будет к чему привязать, если минут десять с дрелью и напильником повозиться. Эта идея мне понравилась.

Кстати, соотечественники моей спутницы, которые в бандах, очень любят именно такие фургоны, переделывая их в нечто вроде передвижных клубов для самих себя – музыка, расписанные стенки, диваны. Иногда они такие вэны даже вскладчину покупают. Я глянул на одометр машины – полста тысяч миль прошла, едва в пору зрелости вступила, если можно так выразиться.

– Держись желтой полосы и все время забирай правее, – подсказала она.

Я так и сделал. Затем мы попали на дополнительную стоянку частных самолетов, объехали ее по кругу, попетляли меж каких-то больших ангаров – и вскоре подкатили к воротам с закрытым шлагбаумом и открытыми створками, возле которых в стеклянной будке располагался охранник. Охранник был один, но вот морских пехотинцев рядом в песочного цвета «хамви» было четверо. А еще у них был крупнокалиберный пулемет на крыше. Однако все прошло благополучно – девушка еще на ходу высунулась из окна и помахала рукой караульному, поэтому шлагбаум поднялся у меня перед самым капотом. Вот уж провинциальная простота нравов.

Я свернул направо, на авеню Фортуна, которое вело в сторону главной в этом районе Тридцать второй улицы.

– Ты куда? – неожиданно спохватилась девушка.

– У меня мотоцикл на стоянке перед терминалом. Хочу забрать.

Она с сомнением посмотрела на меня.

– Мне кажется, что нам туда лучше не ехать.

– У меня выбора нет. Не бросать же мне его?.. – Тут я спохватился: – А как теперь насчет рейса?

– Забудь, – махнула она здоровой рукой. – У охраны радио было включено, пока ты в зале стрелял, я его слушала. Военные объявили карантин, аэропорт закрыли и даже собираются конфисковать самолет, что прилетел из Юты.

– Это как? – удивился я.

– А так, – усмехнулась она. – Они ожидают введения военного положения с часу на час, и тогда у них сильно прибавится власти.

Ну это как раз нормальная реакция правительства. Важно только, на что они нацелят войска. На усмирение недовольных или все же на защиту населения? Если последнее, то я и не против вовсе. Но как-то не очень верится, хоть и сам не пойму, почему именно. Наверное, потому что представляю себе структуру власти.

– Это понятно... – протянул я. – Ладно, а как ты дальше собираешься действовать? Куда тебя отвезти? К слову, машину я не отдам.

На последнее мое замечание она лишь усмехнулась, затем сказала:

– Было бы странно, если бы ты отдал ее обратно. А меня завези на стоянку возле «Кей-Марта», меня будет ждать брат. Я с ним успела созвониться. Годится?

– Вполне.

22 марта, четверг, день. Округ Юма, Аризона, США

Девушку, с которой мы сбежали из аэропорта, украв два ружья, пистолет и фургон, звали Хуанитой, но она предпочла, чтобы ее звали Анита. Я не возражал. Брат ее оказался восемнадцатилетним тощим жилистым парнишкой в грубых ботинках и штанах и в белой застиранной майке, которая до самых плеч открывала разукрашенные разноцветной татуировкой руки. На голове у него была красно-желтая бандана, что недвусмысленно подчеркивало его принадлежность к «Лос Локос» – крупной банде из Сан-Луиса. Надо ли говорить, что приехал он на большом расписном фургоне, переделанном как раз из такого «Шеви Экспресс», который мы угнали с его сестрой и какой я уже присвоил себе, наплевав на всякую законность. Все равно собственность аэропорта – не я, так кто другой его уведет, а то и вовсе пропадет машина. Сейчас же получается, что я ее не украл, а вроде как даже спас.

Я не удержался – попросился посмотреть на его машину, любопытствуя, что можно сделать с грузовым фургоном, и он с гордостью показал мне салон с самодельными, покрытыми красным бархатом диванами внутри, с могучим стерео, наяривавшим рэггатон.¹⁹ Прямо из-под дивана высовывался приклад «калаша» – югославского или румынского клона. Да и за поясом под майкой у него виднелась рукоятка пистолета. Представился он мне как Эль Пикаро – Жулик, но сестра звала его Хорхе. Ну а я мысленно переименовал его в Хорька: такой же проныра и такой же хищник – достаточно только в глаза заглянуть.

С ним приехали еще два парня, вооруженных не хуже. С подачи сестры Хорька отнеслись ко мне с подчеркнутым уважением, звали исключительно «омбре», что в лексиконе уличных банд подразумевает чуть ли не высшую степень почтения. В противном случае меня звали бы «пендехо», буквально – лопух, придурок, фраер, если угодно. Они же сопроводили меня до моего мотоцикла, который помогли затащить в грузовой отсек фургона. К счастью, «эндурь» вообще не слишком тяжелые, так что для четырех мужиков работа была детская.

Под конец мы обменялись телефонами, даже адресами, чего раньше бы никогда не случилось, а заодно я дал им адрес моего склада. В чем-то мы уже друг друга в деле проверили, а союзники кому угодно могут понадобиться.

Пустой дробовик я засунул под сиденье. Не догадался дежурку обшарить: наверняка же запасные патроны там были. Потом я вновь надел пояс с кобурой, извлек из нее пистолет, осмотрел. Надо сказать, что это оказалась не «Беретта 92», а бразильский «Таурис 92». Впрочем, разница невелика: бразильцы стали выпускать эту модель, купив фабрику «Беретта». Девятимиллиметровый семнадцатизарядный пистолет с не самой удобной рукояткой – тяжелый, громоздкий, но надежный и крепкий. Снизу рамки – направляющие под ЛЦУ²⁰ или фонарь. Он самую малость дешевле настоящей «беретты» в продаже – исключительно за счет названия, а по качеству ни капли не уступает, вот многие и предпочитают его. Ну а мне то что? Зачем краденому коню в зубы заглядывать?

Заменил магазин с одним израсходованным патроном на полный из подсумка, сунул пистолет в кобуру. Пристроил ее повыше – так, чтобы касаться локтем рукоятки. Кажется странным, а на самом деле при быстром выхватывании доли секунды экономятся – инструкторы меня в этом убедили, хоть поначалу я и не верил. А заодно и куртка чуть прикроет оружие, потому что расставаться я с ним теперь не намерен. Впечатлений из аэропорта мне до самой смерти хватит: до сих пор руки трясутся и мандраж такой, что мороз по спине. Зато теперь – в закрытом фургоне, да с полным приводом (вот повезло! они все больше заднеприводные, а этот, видимо, еще и по пустыне ездить был должен), да с пистолетом... совсем другое дело.

¹⁹ Рэггатон – музыкальный стиль, смесь хип-хопа и латиноамериканской музыки.

²⁰ ЛЦУ – лазерный целеуказатель.

Задерживаться на стоянке у аэропорта я все же не стал, учитывая, что большинство машин разъехалось, и я стоял на ней как вошь на гребешке, да еще и на машине, аэропорту принадлежащей. Предел наглости, можно сказать. Поэтому я уехал оттуда, доехал до Пало Верде, и пристроился на стоянке возле «Уолмарта».²¹ И уже там, глубоко вздохнув, достал из кармана мобильный телефон. Надо звонить домой с плохими вестями... хотя плохие они лишь на первый взгляд. А что было бы, если бы военное положение застало меня в Юте? Или в Атланте? Что ни делается – все к лучшему. А до дома я все равно доберусь.

– Привет, это я.

– Ты не вылетел?

Голос разочарованный. А чего я еще ожидать мог?

– В Америке вводят военное положение, аэропорт закрыли. Там еще и военная база.

– Что будешь делать?

– Искать способы. Попробую добраться морем – выход судов все равно не запретят. Пристроюсь на какой-нибудь сухогруз, – сочинял я на ходу, хотя сочиненная идея вовсе не показалась мне плохой – скорее даже здоровой.

– И куда ты попадешь?

– Не знаю. В Мурманск, в Питер, куда угодно. У себя-то в стране доберусь обязательно, мне только речку эту атлантическую перепрыгнуть.

– А как до порта доберешься?

– А на машине, – максимально убедительным голосом заявил я. – У меня здесь отличная машина – большая, удобная.

При этом я постучал по приборной панели фургона тем жестом, каким хозяин коня по шее похлопывает.

– Это до какого?

– Не знаю пока, не успел еще выяснить. Как мальчишки?

– Нормально. Сашка все на улицу ломится и злится, что его не пускаем. Коты пока ходят гулять, их еще прятать не начали. А вообще дома сидим.

– Как вокруг?

– Вокруг тихо. Соседи в поселке есть, но тоже по домам попрятались. Машины в гараже, Вовкину за дом убрали, ворота заперли. Все, как ты и сказал. Дрова тоже все перетащили, замучились. Знаешь, как их много оказалось? Весь гараж вдоль задней стены под самый потолок завалили. В бассейне вода ледяная, его накрыли, но пока с этим все в порядке – и газ есть, и свет, и вода.

– Ну вода у нас артезианская, даже если все электричество исчезнет, можно наладить добычу. Как Настя?

– Нормально держится. Ребенок у нее буйный, дерется все время. А так все хорошо, по-моему.

– А ей что-то специальное надо? Витамины там, что еще беременным полагается?

– Вовка все вчера привез, на десять таких хватит.

Она помолчала, вздохнула, затем спросила:

– Ну, как ты думаешь, когда ты сможешь приехать? Самый крайний срок?

– Золотая моя, откуда я могу знать? Неделя, месяц, несколько месяцев... Держитесь там. Знай просто, что я еду к тебе. Все, что я делаю, только для этого и предназначено. Понимаешь?

– Это я понимаю, – сказала она, а потом послышался долгий вздох. – Как думаешь, мобильные еще долго проработают?

– Не знаю. Кажется, при военном положении здесь отключают связь.

– Идиоты.

²¹ «Уолмарт» – первая в мире сеть супермаркетов (тогда их называли суперцентрами), созданная Сэмом Уолтоном.

– Я знаю. Но, может, и не будут. Отключи связь – и куча людей погибнет.

Неожиданно где-то неподалеку от меня затрещали автоматные очереди. Стрельба вспыхнула сразу и сильно, без всяких вступлений. У здания торгового центра заметались какие-то люди, хоть стреляли не они и не там.

– Что это у тебя? – крикнула Маша.

– Стреляют неподалеку. Ладно, поехал я отсюда! Позвоню еще!

Стрельба раздавалась со стороны аэропорта, и я решил здесь больше не крутиться, а вновь посмотрел в визитку, которую оставил мне Паблито. Адрес был где-то в Фортуна Футхиллз, по дороге в Уэлтон, но совсем незнакомый. Ничего страшного, у меня в рюкзаке лежал навигатор, снятый с мотоцикла. Привычно обвальное удешевление электроники привело к тому, что я не пожалел на него трех сотен долларов. Которым, правда, почти не пользовался, потому что и так наизусть знал все местные дороги.

Прикрепил серую плоскую коробку с экраном на лобовое стекло, нажал кнопку включения. Спутники, к счастью, пока на землю не свалились, и через несколько секунд прибор выдал сообщение, что видит аж четыре из них. Осталось только задать нужный адрес, после чего приятный женский голос оповестил: «Следуйте сто пятьдесят ярдов прямо, после чего сверните направо». Так я и поступил. Поехал медленно и аккуратно, чтобы незакрепленный мотоцикл в кузове не опрокинулся, а то бензин из бака через пробку потечет и завоняет все здесь насмерть.

В городе явно начинались проблемы. На улицах прибавилось полицейских пикетов, расположившихся на всех основных перекрестках. Не думаю, что это поможет: город Юма построен на плоской, как стол, местности, и строились здесь просторно, чтобы друг друга не стеснять. И заборы вокруг участков здесь тоже не были правилом, поэтому мертвяки могли появиться в любом месте и с любой стороны. Кроме реки Колорадо с ее мостами и оросительными каналами, нет никаких иных естественных преград. Но полицейский рефлекс – штука сильная, если что – перекрывай дороги. А вот зачем – это уже дело десятое, правило есть правило.

Странно, что до сих пор не объявили призыва национальной гвардии. А ведь не глупая идея была бы – здесь и так половина населения вооружена, но так бы они еще были и организованы. Но губернатор помалкивает, да и вообще власти предпочитают отмалчиваться. И что даст в таком случае обещанное военное положение? Перекроют дороги? А что нам дороги, в южной Аризоне-то? Тут весь мир дорога – где не гора, там и дорога.

Городишко Фортуна Футхиллз, такой же по размерам, как и наш Уэлтон, расположился по другую сторону гряды холмов Фортуна, если смотреть от Уэлтона. Если мы, считая от Юмы, были за тесниной, то Фортуна Футхиллз, как следовало из его названия, прижался к подножию горы, но уже перед ней. Это был классический «пролетарский район» – подзапущенные щитовые дома, более чем скромные участки с далеко не новыми машинами, припаркованными перед ними на пыльной обочине, простенькие магазинчики, скорее даже лавки, два трейлерных парка, причем один из них, словно в насмешку, именовался в честь «Удачливых золотискателей». Местные богатеи здесь вовсе не селились.

Ломбард «Квик-Кэш» находился в самой середине городка, на Футхиллз-бульваре, который ничего общего с настоящим бульваром не имел – все такая же широкая пыльная асфальтовая полоса среди разномастной застройки. Здесь было пока заметно спокойнее, чем в Юме, но на въезде в город стояли две группки потрепанных грузовичков, вокруг которых собралось не меньше двадцати человек, все с винтовками и дробовиками. Кажется, здесь решили взять ситуацию в свои руки, не дожидаясь правительственных решений. Ну и правильно.

На обратной стороне визитки карандашом нарисована была схемка, подразумевавшая, что мне следовало «не дербанить в парадное», а объехать серый комод здания ломбарда с зеленой надписью и заехать во двор, а уже там стучать в металлическую дверь. Как я и поступил.

Во дворе, прижавшись к куче мусорных пакетов, стоял старый «Сатурн» Пабло. Дверь же выглядела так, словно ее оторвали от какого-то берегового укрепления – она была выкрашена шаровой краской и поражала мощностью исполнения. Было даже странно, как она умудряется держаться в таких хлипких стенах, а не выпадает со страшным грохотом наружу вместе с рамой. Я постучал раскрытой пятерней в глухо отозвавшийся стальной лист. Открылось крошечное окошко, в нем показались черные глаза на смуглом рябоватом лице.

– Чем могу помочь? – спросило невидимое лицо.

– Паблито должен ждать меня здесь.

Лицо кивнуло, окошко с лязгом захлопнулось, но взамен отворилась сама дверь, и меня запустили внутрь.

Внутри был полумрак, и я не сразу разглядел того, кто меня пригласил. Среднего роста, коренастый и по-индейски скуластый, с бритым наголо черепом и небольшими усами, в серой рубашке в клетку, надетой навыпуск и застегнутой под горло. Типичный вид мексиканского гангстера в этих краях. Рубашка, кстати, заметно оттопыривалась над рукояткой пистолета на боку.

– Сеньор Андре? – уточнил лысый в клетчатом, сразу переходя на испанский.

– Я самый, – подтвердил я на испанском же.

– Я Хесус, кузен жены Паблито. Заходите.

Он указал рукой на смутно видневшуюся дверь и сам же первый пошел к ней. За дверью оказался изрядных размеров склад, весь заставленный разнокалиберными полками, ящиками и шкафами. К моему удивлению, ничего особо «ломбардного» в зале не было – так, несколько телевизоров и стерео, зато оружием была занята одна стена почти полностью. Возле этой самой стены за обшарпанным столом сидел с бутылкой ледяного чая в руках наш Паблито.

– Что, хефе, не удалось улететь? – с сочувствием спросил он.

Как ни странно, но сочувствие было искренним вроде бы, хотя для самого Паблито нынешняя ситуация была куда выигрышнее. На один «Джи»²² выигрышней.

– Нет, не удалось, – покачал я головой. – Мертвецы устроили свою фиесту в аэропорту, и мы оказались лишними на их Дне мертвых.

– День мертвых всегда был не нашим праздником, – усмехнулся Хесус. – Хотя я и любил его с детства. Теперь, наверное, изменю свое отношение.

Чтобы не доводить ситуацию до прямого вопроса, я достал из кармана тысячу долларов, скрепленных резинкой, которую я отложил еще в машине, и протянул ее Пабло.

– Как обещал.

Паблито принял пачку двадцаток, хлопнул ею о ладонь, как мухобойкой.

– Отлично, хефе, – как обычно, широко заулыбался он. – Теперь жизнь у нас может стать проще. Признаться, я так и думал, что ваш полет сорвется, и уже отложил себе кое-что.

Он похлопал своей темной ладонью по двум СКС,²³ лежащим на столе возле него. Рядом с карабинами лежали зеленые цинки с патронами, с надписями на сербском и английском. Я присмотрелся к винтовкам – на стволах были очень характерные по форме пламегасители.

– Югославские? – уточнил я.

– Верно, «юго». И патроны тоже, с военных распродаж. Не «Калашников», но куда дешевле, и стреляет неплохо, – кивнул стоящий со скрещенными на груди руками Хесус.

– И сколько, если не секрет? – спросил я, прикидывая общий порядок цен в этом ломбарде.

– Пять сотен за две. Мы с Пабло не чужие люди друг другу. А за меньшее босс сам пристрелит меня из этих винтовок.

²² «Джи» (G) – жаргонное наименование тысячи (гранда, the Grand).

²³ СКС – самозарядный карабин Симонова.

Это очень даже по-божески. Самая минимальная цена на рынке для подержанных, но не убитых СКС из бывших братских стран. А эти выглядят практически новыми, муха, как говорится... ничего не делала. Советский СКС стоил бы примерно в два раза дороже. А вообще эти наши старые армейские карабины здесь очень популярны своей надежностью и достаточной меткостью при невысокой цене, особенно в среде «выживателей».

Проблема может в будущем быть только в одном – в патронах. Советский патрон 7,62x39 в основном импортируется, хоть и в гигантских количествах, и идет преимущественно в торговую сеть, то есть не существует его больших складов. Я бы предпочел оружие под местный боеприпас, который наверняка, как и в России, лежит на каких-то мобскладах великими штабелями.

– Что себе хотите найти? «Калашников», наверное? – усмехнулся Хесус.

– Почему так думаете?

– Ну а что еще может хотеть русский?

Логично. Именно «калаша» я и хотел поискать, едва лишь зашел и огляделся. Тут их было немало, эдак с пару десятков самых разных видов. Причем хотел болгарский, с завода в Неваде – они по качеству ближе всех к нашим, а заодно по наглости копирования новых моделей опережают всех. Как на них до сих пор в суд не подали? В Ижевске вообще мышей не ловят.

– Верно, – согласился я, затем не удержался и заявил: – Только я и «калаш» хотел бы русский. В крайнем случае – болгарский, из тех, что они в Неваде производят. И под американский патрон.

– Под двести двадцать три?

– Именно, – подтвердил я. – Под то, чем местная армия вооружена, что в этой стране лежит на больших складах в больших штабелях.

– Нет, таких АК у нас сейчас нет, – покачал он головой. – Все под русский семь шестьдесят два. Посмотри сам, все на виду. Может, выберешь что-то.

Он сделал приглашающий жест рукой, и я подошел к вытянувшемуся в два яруса вдоль всей стены оружейному стенду, на котором, по самым скромным прикидкам, стояло штук пятьдесят винтовок и дробовиков. Снизу, на железных полках, были разложены пистолеты и револьверы. Прошелся вдоль, сразу пропуская взглядом ружья и «болты».²⁴ – меня требования конкретные. Все, что похоже на М-16 или М-4, тоже проходило мимо – не в аризонской пустыне воевать с таким капризным механизмом: тут песок сплошной. Надо бы «калаша» или... или что-то схожее по устройству. Как вот этот вот «зиг-зауэр»! Который за индексом 556.

– Это сколько стоит? – жадно схватив карабин со стойки, повернулся я к Хесусу.

– Ровно тысячу шестьсот, если новый. Могу отдать за тысячу триста. К нему есть два пластиковых магазина и «холосайт»²⁵ АТН.²⁶ Если купишь, подарю еще и чехол.

Нормально. «Калашников» не один такой надежный в этом мире. Есть несколько систем, которые с него, прямо говоря, прилежно содраны. В том числе и вот эти швейцарские винтовки. Сними крышку с ресивера и сразу все поймешь: никаких сомнений не останется, откуда ноги выросли. Разбери «зиг», разбери «калаш», глянь на все детали, по столу разложенные, и все становится ясно. Тот же длинный газовый поршень, толкающий затворную раму, тот же вращающийся затвор с двумя боевыми выступами.

²⁴ «Болт» – в данном случае винтовка с продольно-скользящим поворотным затвором, «болтовая», от английского bolt. На самом деле – самая распространенная конструкция несамозарядных винтовок, классика вроде трехлинейки.

²⁵ Холосайт (holosight) – у американцев коллиматорный прицел открытого типа.

²⁶ АТН – недорогой (около ста долларов), но вполне надежный и качественный коллиматорный прицел открытого типа.

На девять десятых с АК и на одну десятую – с бельгийской FN-FAL,²⁷ которая, в свою очередь, во всем, кроме наружного дизайна, слизана с СВТ-40.²⁸ Тоже прилежно и до мелочей. Такая вот штука. А вы знали? На «зиг» с бельгийки перекочевал газовый регулятор, правда, всего двухпозиционный. Можно и без того несильную отдачу делать совсем незаметной. Или усиливать во избежание засоров – тут кому чего. Или «зима-лето» переключать, как на СВД.²⁹

Да, «калаш» чуток надежнее и намного крепче – швейцарцы по наивности алюминий используют там, где у нас непобедимая сталь, и зазоры у них поменьше, отчего вероятность засорения больше, хоть и не существенно. Но по сравнению с другими системами все равно небо и земля.

Из плюсов – безукоризненность качества. Подгонка всего идеальная, как у швейцарских же часов. Берешь в руки и понимаешь – не фуффло, настоящая вещь, старались люди, когда делали. Полимерное длинное цевье по нынешней моде оснащено тремя планками Пикатинни, и еще одна венчает крышку ствольной коробки. Задние прицельные складные, что удобно. На все нанесены светящиеся точки – вообще отлично.

Приклад телескопический, на манер американской М-4, и это тоже очень удобно. По мне, так и нашим бы давно пора такие выпускать: климат у нас под подобные приклады как специально придуман. Переделся или сменил положение – и за секунду можешь сделать его длиннее или короче, только пальцем ступор утопи. В прикладе герметичное хранилище для батареек к прицелу – пусячок, а приятно. Спуск трехпозиционный – легко выбирать холостой ход, легко сжимать пружину.

Ну и самое главное – очень меткая и кучная винтовка, особенно с поправкой на короткий шестнадцатидюймовый ствол. Американская М-4 по точности на уровень «зига» никак не тянет.

– Магазинов всего два? – поморщился я.

– Не проблема. Эта модель стандартный военный магазин от М-16 принимает, – отмахнулся Хесус. – А у нас их несколько ящиков, и к ним что угодно набирай. По тридцать, по сорок и по сто патронов «бета-си». Тебе что надо?

– По тридцать. Еще... почему они?

– Если брать совсем хорошие, стальные с тефлоном, то по двадцать пять. Алюминиевые с тефлоном – по пятнадцать. И есть пластик по двенадцать. Что возьмешь?

Я задумался. Сталь рулит, это не вопрос. Другое дело – насколько рулит? Винтовка сама алюминиевая. Это я так в себе жабу успокоил, чтобы не душила.

– Давай четыре алюминиевых.

Хесус полез в шкаф, извлек оттуда четыре плоских серых матовых магазина, запечатанных в полиэтилен, выложил на стол. Я взял один в руки, посмотрел – не тайваньская дешевка, местное изделие, качественное. Сойдет, отодвинем к винтовке.

– А патроны? – поинтересовался Хесус. – Тебе модные, в красивых коробочках, или военное имущество?

– Мне попроще.

Дорогие патроны мне точно не нужны – достаточно стандартного армейского качества. Армия, кстати, дерьмо не закупает, там боеприпасы испытания проходят, да и основной автомат у американских военных от плохих патронов быстро погибает. Зато мне их нужно побольше. Хесус открыл гулкие створки здорового стального шкафа, извлек оттуда увеси-

²⁷ FN-FAL – бельгийская винтовка.

²⁸ СВТ-40 – самозарядная винтовка Токарева.

²⁹ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

стый полимерный пакет цвета хаки, запаянный с двух сторон. Показал мне пальцем на этикетку:

– Есть армейские оболочечные М193, «Федерал», без сердечника, по девяносто за упаковку в двести штук, десять пачек в упаковке, по двадцать патронов в каждой пачке. Они лучше всех этих «бюджетных» коммерческих – все же по правительственному заказу сделаны.

– Отлично! – обрадовался я, затем вспомнил про свой новый пистолет: – А что, есть «девять-люгер»?

– Тоже попроще и побольше? – уточнил он.

– Именно, только чтобы утыкания на каждом выстреле не было или перекоса, – подтвердил я его предположение. – Качественные, но без изысков.

Он полез в другой шкаф, чем-то загромыхал, выволок картонный ящик, заполненный непривычными коричневыми коробками с надписью «Фьокки». Достал одну, погремел у меня перед носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.